Н. РЯЗАНОВЪ

ДВѢ ПРАВДЫ

НАРОДНИЧЕСТВО И МАРКСИЗМЪ

Очеркъ изъ исторіи русской интеллигенціи

Цѣна 20 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„БИБЛІОТЕКА МАРКСИЗМА"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906

Н. РЯЗАНОВЪ

ДВѢ ПРАВДЫ

НАРОДНИЧЕСТВО И МАРКСИЗМЪ

Очеркъ изъ исторіи русской интеллигенціи

Цѣна 20 коп.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„БИБЛІОТЕКА МАРКСИЗМА"
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1906

Типографія Спб. Т-ва Печ. и Изд. дѣла „Трудъ". Фонтанка, 86.

Отказываемся ли мы отъ „наслѣдства“

Предисловіе къ второму изданію.

Представляетъ ли русскій марксизмъ продуктъ „чужеяднаго творчества“ или, наоборотъ, такое же необходимое звено въ развитіи русской общественной мысли, какъ и народничество 70-хъ годовъ? Является ли онъ, какъ думалъ В. Ильинъ, „отказомъ отъ наслѣдства 70-хъ годовъ“ или, наоборотъ, переработкой его и дальнѣйшимъ развитіемъ „основной тенденціи“ революціоннаго народничества?

Отвѣтъ на эти вопросы я старался дать въ своей брошюрѣ, написанной по поводу сорокалѣтія литературной дѣятельности Н. Михайловскаго. Она перепечатывается теперь, безъ всякихъ измѣненій и дополненій.

20 марта 1906.

I.

„Должна ли Россія начать съ разрушенія сельской общины, переходя къ капиталистическому строю (какъ хотятъ либеральные экономисты), или, напротивъ, она можетъ усвоить всѣ плоды этого строя, не переживая сопряженныхъ съ нимъ мученій и развиваясь сообразно своимъ собственнымъ историческимъ даннымъ?“ (Марксъ).

Этотъ вопросъ, въ сороковыхъ годахъ расколовшій нашу интеллигенцію на „нашихъ“ и „не нашихъ“, на славянофиловъ и западниковъ, въ шестидесятыхъ годахъ рѣшавшійся въ „замѣчательныхъ статьяхъ“ „великаго русскаго ученаго и критика“, былъ поставленъ на практическую почву въ семидесятыхъ годахъ и наложилъ на нихъ свою яркую печать.

Путы крѣпостного права были порваны. Россія освободилась отъ страшнаго кошмара, мѣшавшаго ея свободному развитію. Она могла теперь начать жизнь на новыхъ началахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ проклятой памяти прошлымъ. Въ ея распоряженіи былъ „лучшій шансъ, когда-либо данный народу исторіей“, чтобы избавиться отъ мукъ и страданій, которыми куплена была западно-европейская цивилизація.

Даже для „несомнѣннаго марксиста“ Положеніе 19-го февраля было лебединой пѣснью стараго процесса производства. Оно мѣшало, по его мнѣнію, приложенію капитала къ землѣ, исполненію его исторической мис-

сіи, потому что надѣлило производителей орудіями труда. Конечно, „Положеніе“ имѣло свои недостатки, но все-таки принципъ манифеста, надѣленіе крестьянъ землею, стоялъ въ безусловномъ противорѣчіи съ принципомъ, на которомъ зиждется хозяйственный строй западно-европейскихъ государствъ. Только послѣ этого положенія уже начинается борьба двухъ хозяйственныхъ формъ.

Но, какъ извѣстно, нѣтъ событій безъ слѣда

Прошедшее—прискорбно или мило
Ни личностямъ доселѣ никогда,
Ни націямъ съ рукъ даромъ не сходило.

То, что казалось лебединой пѣснью народнаго хозяйства, оказалось „пѣснью торжествующей любви“ капиталистическаго строя, зародившагося и развившагося въ нѣдрахъ не „народнаго производства“, а того соціально-экономическаго уклада, который лучше всего характеризуется названіемъ „капитализмъ на барщинной основѣ“. Положеніе освятило принципъ индивидуальнаго владѣнія орудіями производства и лишь противъ воли допускало существованіе общиннаго владѣнія однимъ изъ нихъ, стараясь, по скольку это возможно было, уничтожить и этотъ остатокъ старины. Оно не надѣлило крестьянъ землею, а, вѣрнѣе, обдѣлило ихъ: въ значительной степени сократило оно ихъ надѣлы и лишило ихъ пастбищъ, лѣсовъ и луговъ, создавъ, такимъ образомъ, всѣ условія для быстрой, „не насильственной“, экспропріаціи крестьянъ. За оставшуюся въ ихъ владѣніи землю оно принудило ихъ платить непомѣрно-большіе выкупные платежи, включавшіе, въ замаскированной формѣ, и выкупъ личной зависимости. Оно создало нищенскій даровой надѣлъ. Sans phrases обезземелило оно около 3 милліоновъ дворовъ и „забыло“ надѣлить землею Уральскихъ горнозаводскихъ рабочихъ.

Пореформенная Россія была, такимъ образомъ, кровнымъ дѣтищемъ, плотью отъ плоти и костью отъ кости,

Россіи до 61 года. „Мѣсто“ для капиталистической формы не только „было“: налицо уже имѣлись всѣ условія для пышнаго расцвѣта „западно-европейскихъ порядковъ“. И только этимъ объясняется, что „Податная комиссія“ могла констатировать полное разложеніе крестьянскаго хозяйства—черезъ какихъ нибудь 10 лѣтъ

Но то, что теперь, 30—40 лѣтъ спустя, ясно видно намъ, современникамъ представлялось въ иномъ свѣтѣ. Для нихъ Россія являлась богатыремъ, только что сбросившимъ свои оковы; она могла теперь сознательно выбрать ту дорогу, которая наиболѣе соотвѣтствовала интересамъ народа.

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую,
Какимъ идти?

Нашему богатырю оставалось „сравнить“ эти „два пути“ и сдѣлать выборъ. А выборъ былъ, казалось, не труденъ. „Тамъ, въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ, землевладѣніе, капиталъ и трудъ отдѣлены другъ отъ друга весьма рѣзко, чѣмъ органическая теорія и удовлетворена. У насъ этого нѣтъ. Подавляющее большинство населенія Россіи состоитъ изъ землевладѣльцевъ-земледѣльцевъ. Въ Европѣ обрабатывающая промышленность вся сконцентрирована въ городахъ. У насъ огромная доля ея не отдѣлилась отъ сельской промышленности и не выходитъ изъ деревни. У насъ мужикъ, если и работаетъ на фабрикѣ, то тѣмъ не менѣе имѣетъ свой клокъ земли, къ которому и возвращается лѣтомъ и въ минуты невзгоды. Въ Европѣ этого нѣтъ, потому что и мужика тамъ настоящаго не вездѣ можно сыскать. У насъ безземельный рабочій есть исключеніе, тогда какъ въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ Европы дѣло устроено самымъ органическимъ образомъ и такого явленія, какъ землевладѣлецъ-капиталистъ-рабочій, тамъ давно уже нѣтъ. Вмѣстѣ

съ тѣмъ Россія есть страна не развитая, бѣдная капиталами и знаніями. Въ виду всего этого возможны двѣ діаметрально противоположныя политическія программы. Можно требовать для Россіи повторенія исторіи Европы въ экономическомъ отношеніи; отнять у мужика землю и отправить его на фабрики, свести всю обрабатывающую промышленность въ города, а сельскую предоставить мелкимъ или крупнымъ землевладѣльцамъ не-земледѣльцамъ. Такимъ путемъ различныя общественныя функціи обособятся. Но можно представить себѣ и другой ходъ вещей. Можно представить себѣ поступательное развитіе тѣхъ самыхъ экономическихъ началъ, какія и теперь имѣютъ мѣсто на громадномъ пространствѣ имперіи. Это будетъ, разумѣется, опытъ небывалый, но вѣдь мы и находимся въ небываломъ положеніи. Мы представляемъ собою народъ, который былъ до сихъ поръ, такъ сказать, прикомандированъ къ цивилизаціи. Мы владѣемъ всѣмъ богатѣйшимъ опытомъ Европы, ея исторіей, но въ то же время сами только оцарапаны цивилизаціей. Наша цивилизація возникаетъ такъ поздно, что мы успѣли вдоволь насмотрѣться на чужую исторію и можемъ вести свою собственную вполнѣ сознательно,—преимущество, которымъ въ такой мѣрѣ ни одинъ народъ въ мірѣ до сихъ поръ не пользовался“, (Н. Михайловскій, сочиненія т. I сс. 806—807).

Наивно, не правда ли? У насъ теперь вошло въ моду—о, мы умудрены опытомъ!—смѣяться надъ семидесятниками за ихъ безумныя попытки „поворотить назадъ колесо исторіи“. Но этотъ смѣхъ доказываетъ только безусловную неспособность стать на историческую точку зрѣнія. „Мы“, конечно, поступили бы иначе, но, къ сожалѣнію, „насъ“ тогда не было, и поколѣнію того времени приходилось рѣшать этотъ вопросъ на основаніи данныхъ своего времени, сквозь призму даннаго историческаго момента. Они не убаюкивали себя оптимистическими надеждами, что „положеніе нашего рабочаго не имѣетъ ничего общаго съ западнымъ про-

летаріатомъ, а потому за будущность Россіи нечего бояться“ *). Они были твердо убѣждены, что стоитъ сложить на пустой груди ненужныя руки, и „Россія потеряетъ лучшій шансъ, который когда-либо давала народу исторія, чтобы пройти вмѣсто того чрезъ всѣ роковыя послѣдовательныя измѣненія капиталистической системы“.

Не насмѣшку, не презрительное сожалѣніе, а только глубокую грусть могутъ вызвать слѣдующія слова, въ которыхъ слышится стонъ цѣлаго поколѣнія, погибшаго въ борьбѣ съ неумолимымъ фатумомъ. „Пусть это въ самомъ дѣлѣ роковая ошибка и безполезное безуміе, напрасныя усилія остановить непререкаемый ходъ исторіи, который все равно возьметъ свое и безжалостно измолотитъ все, ему противящееся... въ исторіи вовсе не рѣдки случаи, когда люди бываютъ роковымъ образомъ осуждены на безполезное противодѣйствіе ясно обозначившемуся и далеко подвинувшемуся историческому процессу. И это не изъ упрямства, а по тому же убѣжденію, по которому человѣкъ иногда бросается въ воду спасать завѣдомо не подлежащаго спасенію утопающаго, съ рискомъ самому утонуть“. **)

Они ошибались, но субъективно они были правы. „Das war ein weltgeschichtlicher Irrthum, aber kein persönlicher. Ihr Untergang war daher tragisch“. Эта тра-

---

*) „Спрашивается, гдѣ основанія такого оптимизма? Развѣ европейскій рабочій въ свое время не былъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ теперь еще находится нашъ? И развѣ не прогрессъ промышленности выбилъ его изъ этой колеи? Пусть намъ докажутъ, что европейскій рабочій никогда не былъ собственникомъ земли и орудій производства, самостоятельнымъ хозяиномъ. (Н. Михайловскій. Соч. Т. I с. 695). Характерно, что оптимизмъ этотъ былъ возведенъ въ теорію г. В. В., какъ разъ тогда, когда уже была потеряна всякая надежда на „особый“ путь для Россіи. Н. Михайловскій, сохранившій еще эту надежду, счелъ нужнымъ и тогда возстать противъ этого оптимизма.

**) Н. К. Михайловскій. Литературныя воспоминанія и современная смута I. сс. 345—346.

гедія ждетъ еще своего историка и художника. Началась она движеніемъ въ народъ и завершилась пораженіемъ Народной Воли. Въ теченіе двухъ десятилѣтій весь міръ становится свидѣтелемъ единственной во всемірной исторіи героической попытки свернуть исторію Россіи съ покрытаго терніями и залитаго кровью безчисленныхъ поколѣній западно-европейскаго пути и направить ее по пути, который долженъ былъ привести ее прямо въ царство свободы, равенства и братства. Man hat sie gekreuzigt und verbannt... und Schweine genannt. И не намъ, воспользовавшимся такъ дорого купленнымъ опытомъ цѣлаго поколѣнія, присоединяться къ многочисленному хору тѣхъ, которые стараются забросить грязью это поколѣніе титановъ.

Мы не будемъ теперь слѣдить за всѣми перипетіями этой исполинской борьбы. Мы отказываемся теперь и отъ соблазнительной задачи прослѣдить отраженіе ея въ такъ называемой легальной литературѣ, хотя волей-неволей намъ придется коснуться этого вопроса. А въ названной литературѣ Н. К. Михайловскій безспорно занимаетъ первое мѣсто. Въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ, къ голосу дорогого „профана“ страстно прислушиваются всѣ тѣ, изъ рядовъ которыхъ рекрутировались gekreuzigte und verbannte. Вмѣстѣ съ ними онъ переживаетъ всѣ фазы этого героическаго времени и, послушный зову его, вѣрно отражаетъ въ своихъ статьяхъ всю многосложную исторію бурнаго періода. Но почему же именно онъ явился выразителемъ думъ и стремленій лучшей части нашей молодежи, гдѣ секретъ этой необычайной любви, въ чемъ искать разгадку этой удивительной entente между читателемъ и писателемъ, и гдѣ причина того разрыва, который начался уже въ 80-хъ годахъ и такъ рѣзко обозначился въ 90-хъ?

Мы не намѣрены теперь разобрать всю литературную дѣятельность Н. Михайловскаго. Многаго намъ придется коснуться лишь мимоходомъ. Теперь онъ насъ интересуетъ больше, какъ публицистъ. Но эта сторона

его дѣятельности была бы мало понятна безъ маленькой исторической справки.

II.

Литературная дѣятельность Н. Михайловскаго началась очень рано, еще въ 1861 году, но мѣсто одного изъ лидеровъ общественной мысли онъ начинаетъ занимать только съ конца шестидесятыхъ годовъ. Sturm und Drang періодъ нашей литературы „эпохи великихъ реформъ“ закончился въ 1862 году. „Современникъ“, такъ удачно служившій выразителемъ стремленій „крайней лѣвой“, измѣнилъ свою физіономію. „Эпигоны“ далеко не оказались на высотѣ своей задачи.

Великое дѣло освобожденія народа, которому страстно и вѣрно служилъ „Современникъ“ 1857-1862 гг. такъ или иначе было окончено. Попытка увѣнчать зданіе реформъ окончилась пораженіемъ крайней лѣвой. „Современнику“ оставалось только, путемъ всякаго рода компромисовъ, отстаивать уже „взятое съ жизни“ и бороться, подчасъ въ самой аляповатой формѣ, съ новымъ настроеніемъ среди молодежи. Вѣрный своимъ старымъ традиціямъ, „Современникъ“ продолжалъ удѣлять много мѣста „внутреннимъ вопросамъ“, но все это сдабривалось значительной долей оппортунизма, котораго слѣда не было въ старыхъ статьяхъ Добролюбова и Чернышевскаго. Внимательно слѣдя за западно-европейской жизнью, онъ продолжалъ знакомить русскую публику съ рабочимъ движеніемъ на западѣ и, въ любопытномъ предисловіи къ переводу Лассалевской рѣчи „Объ особенной связи и т. д.“, уже дѣлалъ попытку перелицевать ее на русскій манеръ. На его же страницахъ была сдѣлана попытка вычислить, какъ великъ долгъ народу цивилизованныхъ классовъ. Но „духъ живъ“ отлетѣлъ отъ журнала, и только отдѣльныя личности изъ молодого поколѣнія сохраняли старыя симпатіи къ журналу.

Огромная же часть молодежи группировалась вокругъ „Русскаго Слова“. Послѣ крестьянскаго вопроса на сцену явился новый вопросъ, „вопросъ молодого поколѣнія“ и, какъ часть его, „женскій вопросъ“.

Изъ разоренныхъ мелкопомѣстныхъ и среднепомѣстныхъ усадебъ потянулись въ городъ цѣлыми вереницами „подростающія силы“ въ поискахъ за „своимъ хлѣбомъ“. Настало „трудное время“ для „мыслящаго пролетаріата“. Вопросы общественные смѣняются вопросами личными. „Общество“ отходитъ на задній планъ. Оно опять принимается за нѣчто „данное“, къ чему остается только приспособиться, чтобы принести возможно большую дозу пользы при данныхъ условіяхъ.

Вырабатывается особый кодексъ жизни, изъ котораго безпощадно выбрасывается все, хоть сколько нибудь напоминающее отжившую мораль „отцовъ“. Отношенія къ женщинѣ анализируются самымъ тщательнымъ образомъ. „Мыслящаго реалиста“ не занимаетъ вопросъ, имѣетъ ли онъ право на личное счастье. Онъ для него не подлежитъ никакому сомнѣнію. Дебатируется только вопросъ о формахъ, въ которыхъ оно наиболѣе достижимо съ точки зрѣнія „экономіи силъ“. Вопросъ о народѣ рѣшается очень просто. Мы бѣдны, потому что глупы. Нужно доказать только „убыточность незнанія“. Дайте „мыслящему пролетарію“ накопить достаточное количество „реальныхъ“ знаній, не накладывайте на его плечи бремени долга—и онъ „просвѣтитъ“ глупыхъ, онъ разсѣетъ ту тьму предразсудковъ, которая мѣшаетъ намъ на каждомъ шагу устраиваться раціональнымъ образомъ.

Наиболѣе яркимъ выразителемъ этого теченія среди публицистовъ „Русскаго Слова“ явился Писаревъ. Въ статьяхъ блестящаго стилиста рисовался въ самыхъ очаровательныхъ краскахъ „мыслящій реалистъ“ съ его идеаломъ: „знаніе, любовь и трудъ“. И эти статьи дѣйствовали тѣмъ сильнѣе, онѣ увлекали молодежь тѣмъ больше, что писались онѣ въ тюрьмѣ. *Жизнерадостная*

проповѣдь личнаго счастья раздавалась изъ казематовъ Петропавловской крѣпости.

И тщетны были старанія „Посторонняго сатирика“ доказать, что идеалъ этотъ носитъ чисто индивидуалистическій характеръ, отвѣчаетъ лишь на вопросъ, какъ устроиться на свѣтѣ, чтобы *тебѣ* жилось хорошо. Вокругъ имени Писарева начала уже образовываться легенда. Долго еще молодежь не могла вскрыть въ его блестящихъ проповѣдяхъ-импровизаціяхъ слѣды того умонастроенія, которое, послѣ его смерти, отлилось въ такія отталкивающія формы. Она замѣчала въ нихъ только протестъ противъ устарѣвшихъ формъ жизни, она увлекалась проникавшимъ ихъ оппозиціоннымъ духомъ. Это пестрое смѣшеніе проповѣди индивидуалистическихъ идеаловъ и инстинктивнаго протеста противъ существующаго общественнаго строя—вообще характерно для „Русскаго Слова“. Почти совершенно оставляя въ сторонѣ „внутренніе вопросы“, публицисты „Русскаго Слова“, въ разныхъ формахъ, знакомили молодежь съ соціалистическими ученіями. Буржуазная политическая экономія, даже въ лицѣ ея лучшихъ представителей, подвергалась самой жестокой критикѣ (подчасъ удивительно комичной) будущаго автора „Отщепенцевъ“. А въ статьяхъ П. Ткачева—странная иронія судьбы—молодежь впервые могла познакомиться со взглядомъ, „перенесеннымъ въ нашу литературу, какъ и все, что только есть въ ней хорошаго, изъ литературы западно-европейской. Еще въ 1859 г. извѣстный нѣмецкій изгнанникъ Карлъ Марксъ, формулировалъ его самымъ точнымъ и опредѣленнымъ образомъ“. *)

А рядомъ съ этими двумя журналами незамѣтно

---

*) Примѣчаніе Ткачева: „Вотъ его подлинныя слова: „Вся совокупность отношеній, касательно производства богатствъ (такъ переводитъ Ткачевъ Produktionsverhaltnisse), образуетъ экономическую структуру общества, основной базисъ, на которомъ возвышаются въ видѣ надстроекъ политическія и юридическія отношенія“. Р. С. 1865 г. 12 Библіографическій листокъ с. 31.

прозябалъ совершенно невидный библіографическій журнальчикъ „Книжный Вѣстникъ“, гдѣ „другъ-учитель“ Н. Михайловскаго, Н. Ножинъ, въ рецензіяхъ на книги естественно-историческаго содержанія, читалъ отходную соціализму и восторженно привѣтствовалъ анархію, какъ наиболѣе идеальный строй общественной жизни, въ которомъ окончательно исчезнетъ общественное раздѣленіе труда, корень всего зла.

Выстрѣлъ 4 апрѣля 1866 г., выстрѣлъ не „по реформамъ“, какъ это думаютъ наши либералы, а по реакціи, навлекъ на литературу грозу. „Современникъ“ и „Русское Слово“ погибли. За ними скоро послѣдовалъ и „Книжный Вѣстникъ“.

Въ литературѣ, какъ и въ общественной жизни, наступило затишье. Но оно скоро было прервано. Въ 1867-68 г. освобожденную Россію постигъ такой голодъ, котораго она не знала въ самые темные періоды своей крѣпостной исторіи. Это былъ „громъ изъ яснаго неба“. Всполошилось правительство, учредившее комитетъ подъ предсѣдательствомъ будущаго „миротворца“. Назначены были комиссіи для изслѣдованія положенія крестьянскаго хозяйства. Проснулось и „общество“. Либералы, опираясь на „факты“, указывали на необходимость закончить прерванное на время, якобы подъ вліяніемъ крайней лѣвой, дѣло „великихъ реформъ“, заняться положительной работой.

Но особенно потрясающее впечатлѣніе произвелъ этотъ голодъ на молодое поколѣніе. Предъ „разночинцемъ“ и „кающимся дворяниномъ“, съ головой ушедшими въ вопросы личнаго самосовершенствованія, вдругъ развернулась, съ неотразимой наглядностью, картина народныхъ бѣдствій и общаго разстройства.

„Мизерія“ „десяти лѣтъ реформъ“ раскрылась воочію. Она подвергается безпощадной критикѣ. „Слишкомъ очевидны становятся всѣмъ вся пустота либеральныхъ реформъ и безплодность либеральныхъ усилій“. Быстро выясняется „недѣйствительность легальныхъ формъ борьбы“. Начинается оживленное обсужденіе

вопросовъ объ отношеніи „личности“ къ „обществу“. Вычисляется „цѣна прогресса“. Народъ, который, казалось, послѣ нѣсколькихъ изолированныхъ вспышекъ замолкъ, довольный матеріальными результатами „величайшей реформы“, опять напомнилъ о себѣ.

Передъ чуткой совѣстью молодежи поднимается вопросъ: а имѣю ли право я, воспитавшійся на деньги народа, заниматься личнымъ самосовершенствованіемъ въ то время, когда этотъ народъ мретъ отъ голоднаго тифа и цынги? На очередь ставится вопросъ, какъ великъ долгъ народу и все поколѣніе приходитъ къ выводу, что оно—неоплатный должникъ народа. Является потребность поближе познакомиться съ этимъ народомъ, изучить его нужды и стремленія. Положеніе народа становится предметомъ тщательнаго изученія. *) Писаревщина отходитъ на задній планъ: изъ фазы развитія общественной мысли она превращается въ фазу индивидуальнаго развитія, изъ широкаго общественнаго теченія, наложившаго свой отпечатокъ на цѣлый періодъ умственной жизни русскаго общества, она превращается въ кружковое, провинціальное. **)

Это броженіе не могло, конечно, не отразиться на литературѣ. Основанное еще въ 1867 г., „Дѣло“, сначала бывшее почти популярно-научнымъ сборникомъ, гдѣ Писаревъ могъ писать только „Очерки изъ исторіи

---

*) Всѣмъ извѣстно, какою громадною популярностью пользовалась въ семидесятыхъ годахъ и даже въ восьмидесятыхъ книга Флеровскаго „Положеніе рабочаго класса въ Россіи“.

**) Еще долго спустя вопросъ о Писаревѣ являлся „больнымъ“, „неразрѣшеннымъ“ вопросомъ. Ему были посвящены пользовавшіяся такой извѣстностью въ кружкахъ саморазвитія статьи Н. Морозова (М. Протопопова) Литературная злоба дня въ Отеч. Зап. 77 г. I и ст. И. Кольцова (печальной памяти Л. Тихомірова). Неразрѣшенные вопросы, „Дѣло“ 81 г. I, въ свое время надѣлавшая много шума. Обѣ статьи противопоставляютъ индивидуальнымъ идеаламъ Писарева общественные идеалы Добролюбова и Чернышевскаго.

итальянскихъ народовъ“, въ теченіе 1868 г., превращается опять въ живое періодическое изданіе съ сильной революціонной окраской. Первое амплуа занялъ П. Ткачевъ, соединявшій въ своихъ статьяхъ „экономическій матеріализмъ“ вульгарнаго пошиба съ крайнимъ якобинизмомъ. Въ своей блестящей статьѣ „Люди будущаго и герои мѣщанства“, онъ дастъ легальный прологъ будущей нечаевщины съ ея принципомъ: „цѣль оправдываетъ средства“. Недолго продолжалась на этотъ разъ его литературная дѣятельность. Арестованный въ мартѣ 1869 г., онъ на нѣсколько лѣтъ исчезаетъ, чтобы возобновить свою дѣятельность въ 1872 г., но уже какъ авторъ значительно потускнѣвшихъ статей. „Дѣло“ окончательно превращается въ органъ провинціальныхъ юношей и дѣвицъ, пугающихъ своимъ радикализмомъ обомшѣлыхъ отцовъ и матерей.

Нѣкоторое время казалось, что руководящее мѣсто въ журналистикѣ перейдетъ къ „Недѣлѣ“. Благодаря настояніямъ покойной Е. И. Конради, наиболѣе энергичной и образованной представительницы тогдашняго женскаго движенія, редакція согласилась помѣстить на страницахъ журнала „Историческія письма“, незадолго передъ тѣмъ сосланнаго въ Вологодскую губернію, П. Л. Лаврова. Въ своихъ письмахъ, которыя и въ научномъ отношеніи представляли для своего времени выдающееся явленіе, нашъ незабвенный учитель „будилъ въ учащейся молодежи чувство отвѣтственности за невыносимыя страданія народныхъ массъ, доводилъ ея идеализмъ до самой высокой степени и указывалъ ей дорогу дѣятельности“: подготовивъ изъ себя борца за народное освобожденіе, идти въ массы, чтобы подѣлиться съ ними своими знаніями и, разъяснивъ имъ причины ихъ невыносимыхъ страданій, звать ихъ на борьбу противъ существующаго порядка. Онъ научилъ молодежь уважать массу, тѣхъ незамѣтныхъ героевъ человѣчества, которые не совершили ни одного яркаго дѣла, но предъ которыми, по историческому значенію, ничтожны величайшіе историческіе дѣятели. „Они хра-

нятъ въ себѣ всю возможность будущаго. Въ томъ обществѣ, гдѣ не было бы ихъ, прекратился бы разомъ всякій историческій прогрессъ". И молодежь откликнулась на горячій призывъ. Какъ говоритъ современникъ, „сотни читателей были глубоко захвачены „Историческими письмами": не прошло и года послѣ ихъ появленія въ отдѣльномъ изданіи, какъ въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, сталъ формироваться тотъ легіонъ революціонныхъ „борцовъ за прогрессъ", на которыхъ возложилъ всѣ свои упованія усопшій".

Въ той же „Недѣлѣ",—и почти одновременно съ „Историческими Письмами",—печатались историческіе очерки Михайлова-Шеллера, „Пролетаріатъ во Франціи", долго еще послѣ этого служившіе революціонной молодежи единственнымъ источникомъ для знакомства съ французскимъ движеніемъ. Г. Скабичевскій, съ тѣхъ поръ значительно „поумнѣвшій", писалъ апологію Лассаля въ своей статьѣ „Герои голубинаго полета", направленной противъ россійскихъ Шульце-Деличей. Но недолго держалась „Недѣля" на этой высотѣ. Съ уходомъ Конради, редакція перешла къ П. Гайдебурову, въ рукахъ котораго „Недѣля" превратилась въ „гайдебуристый и скучный" журналъ, по временамъ охватываемый маніей сказать непремѣнно „новое слово".

Съ переходомъ „Недѣли" подъ другую редакцію, первое мѣсто, въ рядахъ радикальной печати *), окон-

---

*) Были, конечно, въ то время и другіе журналы, въ которыхъ старалась найти себѣ убѣжище крайняя лѣвая. Такъ въ томъ же „Женскомъ Вѣстникѣ", который пріютилъ „Растеряеву улицу" Успенскаго, Ткачевъ долженъ былъ излагать свои взгляды на значеніе экономическаго фактора въ статьяхъ о женскомъ вопросѣ, а П. Лавровъ писалъ статьи о господствѣ женщинъ въ папскомъ Римѣ или о французскихъ салонахъ 18-го вѣка и подвергалъ строгому критическому разбору философію Спенсера въ статьѣ по поводу его опыта „Воспитаніе умственное, нравственное и физическое". Какъ послѣдняя статья, такъ и статья того же автора „Задачи позитивизма и ихъ рѣшеніе", напечатанная въ скоро прекратившемся „Современномъ Обозрѣ-

чательно переходитъ къ „Отечественнымъ Запискамъ“ (купленнымъ Некрасовымъ въ 1868 г.). Вокругъ этого журнала группируются лучшія литературныя силы, и онъ становится центромъ тяготѣнія наиболѣе отзывчивой и радикальной части нашей молодежи. „Отрицаніе и критика буржуазнаго строя и либерализма... принимаютъ въ немъ крайне острый, напряженный характеръ. Соціалистическія симпатіи съ одной стороны, вопіющіе факты заграничной жизни, ярко иллюстрирующіе „систему наибольшаго производства“—съ другой, безповоротно рѣшаютъ отрицательное ихъ отношеніе къ буржуазному типу общественной организаціи и къ нравственно-политической доктринѣ его — либерализму. Либерализмъ подвергается тщательной критикѣ съ различныхъ точекъ зрѣнія и по самымъ разнообразнымъ поводамъ... Рѣзкое разграниченіе интересовъ общества отъ интересовъ народа, какъ рабочей массы — вотъ тотъ неизмѣнный основной критерій, съ точки зрѣнія котораго разсматриваются, изслѣдуются и освѣщаются всѣ болѣе или менѣе крупныя общественно-экономическія явленія. Такимъ образомъ, соціалистическія симпатіи, если не соціалистическое міросозерцаніе, служатъ несомнѣнно той высшей инстанціей, къ которой они аппелируютъ всякій разъ, когда представляется затрудненіе при рѣшеніи или постановкѣ той или иной соціальной проблемы“. (Воспоминанія землевольца) *). Мужикъ, народъ сталъ центральной фигурой всего журнала. Нигдѣ не отразилась такъ ярко, какъ въ этомъ журналѣ, идея долга народу. „Она составляла тотъ общій фонъ, на

ніи“, оказали сильное вліяніе на М. Михайловскаго и В. Лесевича, бывшихъ до того времени правовѣрными позитивистами. Но ни эти журналы, ни, основанный разошедшимися съ Н. Некрасовымъ сотрудниками „Современника“ Ю. Жуковскимъ и М. Антоновичемъ, „Космосъ“ не удержались долго на литературномъ горизонтѣ.

*) „Матеріалы для исторіи русскаго соціально-революціоннаго движенія“ въ ст. Лаврова, Народники 73—78 г.г.

которомъ рисовались узоры лирики, беллетристики, критики, философіи, исторіи, экономики и политики". Но и въ этомъ журналѣ всего ярче отразилась эта идея въ статьяхъ Н. Михайловскаго.

III.

Вопросъ „что дѣлать?" былъ рѣшенъ. Нужно работать для народа. Но какъ дѣлать это? Какъ разобраться въ многосложномъ переплетѣ общественныхъ явленій? Какъ отдѣлить истинное отъ ложнаго? Какъ примирить неумолимыя требованія науки съ нравственнымъ чувствомъ отвѣтственности за свое положеніе? Какъ соединить истину и справедливость въ одно неразрывное цѣлое?

Прошлое оставило намъ въ наслѣдство цѣлый рядъ словъ и девизовъ, за которыми, казалось, скрывалось богатое содержаніе. Свобода, равенство и братство, національное богатство, прогрессъ—десятки лѣтъ люди боролись во имя этихъ словъ—и что же? Національное богатство—это только лицевая сторона народной нищеты, свобода оказалась свободой умирать съ голоду, прогрессъ подвигается убійственно медленнымъ шагомъ и покупается такой дорогой цѣной, что невольно является вопросъ: а не лучше ли было бы безъ него? Въ душѣ разгорается „лютая необузданная вражда" къ существующему, все существо охватывается „страстью разрушенія". Не нужно намъ науки, купленной кровью и муками цѣлыхъ поколѣній! „Для насъ мысль дорога только, по скольку она можетъ служить великому дѣлу радикальнаго и повсюднаго разрушенія. Но ни въ одной изъ нынѣ существующихъ книгъ нѣтъ такой мысли. Кто учится революціонному дѣлу по книгамъ, будетъ всегда революціоннымъ бездѣльникомъ". (Бакунинъ).

А, съ другой стороны, „представители либерализма носились съ теоріей органическаго прогресса, медлен-

наго постепеннаго развитія. Господа ученые и профессора проповѣдывали молодежи всемогущество науки, которая, сама собою, дѣятельностью своихъ адептовъ, улучшаетъ постепенно общественныя отношенія". (П. Аксельродъ въ статьѣ о Лавровѣ).

Мы имѣемъ предъ собой, доведенныя до крайности, попытки отдѣлить „теорію" отъ „практики". Съ одной стороны, мы получаемъ „практика", человѣка „дѣла" par excellence, чистаго голубя, которому не хватаетъ „змѣиной мудрости", а съ другой—человѣка „слова", „теоріи", которому не хватаетъ не только голубиной чистоты, но и элементарной чуткости, человѣка, не вѣдающаго ни гнѣва на обидящихъ, ни жалости къ обидимымъ. Всякій изъ насъ побывавшій—а кто изъ насъ не былъ?—въ какомъ нибудь кружкѣ молодежи, знаетъ, какъ часто встрѣчаются эти два типа. Рѣдко кто изъ насъ на первыхъ порахъ не ударялся въ одну изъ этихъ крайностей. И то херилъ теорію въ славу дѣла—практики, то дѣло, практику—во славу теоріи, науки.

Всякая такая попытка оторвать „правду – истину" отъ „правды—справедливости", „правду теоретическаго неба" отъ „правды практической земли" всегда чревата опасностями. Мы рискуемъ, вмѣстѣ съ авторомъ „Сущности христіанства", „разсматривать какъ истинно человѣческую дѣятельность только дѣятельность теоретическую" или только дѣятельность „практическую" въ узко вульгарной формѣ ея проявленія и никогда „не понять значенія „революціонной", практически-критической дѣятельности".

И среди семидесятниковъ были люди, которымъ „благородная житейская практика, самые высокіе нравственные и общественные идеалы представлялись всегда обидно безсильными, если они отворачивались отъ истины, отъ науки". „Я никогда не могъ повѣрить и теперь не вѣрю,—говоритъ Н. Михайловскій,—въ сочиненіяхъ котораго наиболѣе ярко отразились стремленія именно этой группы семидесятниковъ,—чтобы

нельзя было найти такую точку зрѣнія, съ которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука объ руку, одна другую пополняя. Во всякомъ случаѣ, выработка такой точки зрѣнія есть высшая изъ задачъ, какія могутъ представляться человѣческому уму, и нѣтъ усилій, которыхъ жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотрѣть въ глаза дѣйствительности и ея отраженію, правдѣ-истинѣ, правдѣ объективной, и, въ то же время, охранять и правду-справедливость, правду субъективную—такова задача всей моей жизни. Не легкая это задача".

Задача эта дѣйствительно нелегкая. Дальнѣйшая литературная дѣятельность Н. Михайловскаго показала, что выработанная имъ съ такимъ трудомъ „точка зрѣнія" оказалась не въ силахъ связать правду теоретическаго неба съ правдой практической земли и не одинъ разъ уже заставляла его въ угоду одной жертвовать другой. Но насъ теперь не интересуетъ позднѣйшая фаза его литературной дѣятельности. Михайловскій насъ теперь занимаетъ только, какъ выразитель опредѣленнаго теченія среди молодежи семидесятыхъ и начала восьмидесятыхъ годовъ. Этой молодежи онъ былъ дорогъ именно потому, что въ его сочиненіяхъ она находила систему правды, удовлетворяющую поставленнымъ выше требованіямъ.

Какова же эта система правды? Постараемся изложить ее словами ея автора.

Система Правды требуетъ такого принципа, который 1) служилъ бы руководящей нитью при изученіи окружающаго міра и, слѣдовательно, давалъ бы отвѣты на вопросы, естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; который 2) служилъ бы руководящей нитью въ практической дѣятельности и, слѣдовательно, давалъ бы отвѣты на запросы совѣсти и нравственной оцѣнки, опять таки естественно возникающіе въ каждомъ человѣкѣ; и который, наконецъ, 3) дѣлалъ бы это съ такой силой, чтобы прозелитъ съ религіозной преданностью влекся къ тому, въ чемъ принципъ системы полагаетъ счастье.

Всѣ умственные, всѣ психическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ, наслаждается... Всякіе общественные союзы, какія бы громкія или предвзято симпатичныя для васъ названія они не носили, имѣютъ только относительную цѣну. Они должны быть дороги для васъ постольку, поскольку они способствуютъ развитію личности, охраняютъ ее отъ страданій, расширяютъ сферу ея наслажденій. Слова въ родѣ: „общее дѣло", „общественные интересы", „общая польза", отнюдь не должны васъ смущать, потому что подъ этимъ флагомъ часто провозится контрабанда.

Во избѣжаніе самообмана и обмана другихъ, эту безсознательность нужно ликвидировать. Пусть гордые люди либо сами поймутъ и другимъ откровенно скажутъ, чему именно они служатъ, либо изберутъ себѣ другой, высшій предметъ служенія. Этимъ высшимъ предметомъ можетъ быть не красота, не истина, не справедливость, а только человѣческая личность, цѣльная и полная, въ которой всѣ эти отвлеченныя категоріи складываются въ живое единство. Для чисто теоретическихъ областей человѣческой дѣятельности этотъ критерій всегда ясенъ и удовлетворителенъ. Дѣло должно быть поставлено такъ. Умственный процессъ совершается въ предѣлахъ отдѣльнаго человѣка, личности. Предѣлы эти установлены съ одной стороны природой, а съ другой историческимъ ходомъ вещей. Природныя опредѣленія мы вынуждены брать, какъ они есть, не пытаясь ихъ расширить или измѣнить.

Поэтому, прежде всего мы должны выяснить, какія границы положены нашему уму природой. Въ этомъ именно состоитъ то, что обыкновенно называется теоріей познаванія. Вотъ она въ краткихъ чертахъ: человѣку доступна только относительная Правда, животное съ иной организаціей должно понимать вещи иначе. Правда съ точки зрѣнія человѣка не есть что-нибудь, соотвѣтствующее природѣ вещей и обязательное для всѣхъ существъ. Человѣкъ добываетъ элементы Правды

при помощи пяти чувствъ, а, будь у него ихъ больше или меньше, Правда представлялась бы ему совсѣмъ иначе. Границъ, отмѣченныхъ перстомъ природы, перешагнуть нельзя.

Правда, добытая всѣми средствами, какія представляютъ эти конечные предѣлы человѣческой личности, есть Правда относительная; но практически она, пожалуй, безусловна для человѣка, потому что выше ея подняться нельзя. Но вотъ историческій ходъ вещей прибавляетъ къ природнымъ опредѣленіямъ, ограниченіямъ человѣческой личности, еще свои особенныя, общественныя. Скажи мнѣ, къ какому союзу ты принадлежишь, и я скажу тебѣ, какъ ты смотришь на вещи. Поэтому, въ сферахъ практическихъ, критерій человѣческой личности, благодаря запутанности отношеній, можетъ повести къ большимъ недоразумѣніямъ.

Надо найти въ личности такой ея аттрибутъ, такое свойство, которое было бы ей присуще, именно какъ личности и не зависѣло бы ни отъ какихъ случайныхъ опредѣленій. Такой аттрибутъ есть трудъ, цѣлесообразное напряженіе личныхъ силъ.... Такимъ образомъ, для практическаго обихода, да и не только для него, а въ видахъ теоретической ясности мы можемъ поставить въ нашей первоначальной формулѣ вмѣсто личности, ея единственное проявленіе—трудъ, сознательный, цѣлесообразный расходъ силъ. При дальнѣйшемъ разотвлеченіи интересы труда превращаются въ интересы народа. Народъ это такой общественный элементъ, служеніе которому наиболѣе приближало бы насъ къ намѣченной цѣли. Народъ въ смыслѣ не націи, а совокупности трудящагося люда. Трудъ — единственный объединяющій признакъ этой группы людей—не несетъ съ собой никакихъ привиллегій, служа которымъ мы рискуемъ услужить какому нибудь одностороннему элементу: въ трудѣ личность выражается наиболѣе ярко и полно.

Но служить не значитъ прислуживаться. Служить народу не значитъ потакать его невѣжеству или при-

лаживаться къ его предразсудкамъ. Мы, „вверху стоящіе, что городъ на горѣ“, мы, богатые теоретическимъ знаніемъ и чужимъ историческимъ опытомъ, должны стать на стражѣ интересовъ народа, охранять ихъ отъ поползновеній завѣдомыхъ враговъ и тѣхъ лицемѣрныхъ друзей, которые желаютъ держать его въ темнотѣ невѣжества.

Къ такому результату мы пришли не рядомъ только холодныхъ логическихъ выводовъ. Въ насъ говоритъ и щемящее чувство отвѣтственности предъ народомъ, неоплатнаго ему долга за то, что, на счетъ его воловьей работы и кроваваго пота, мы дошли до возможности строить эти логическіе выводы. Мы можемъ, поэтому, съ чистой совѣстью сказать: мы—интеллигенція, потому что мы многое знаемъ, обо многомъ размышляли, по профессіи занимаемся наукой, искусствомъ, публицистикой: слѣпымъ историческимъ процессомъ мы оторваны отъ народа, мы—чужіе ему, какъ и всѣ такъ называемые цивилизованные люди, но мы не враги его, ибо сердце и разумъ нашъ съ нимъ. Сердце и разумъ — замѣтьте это сочетаніе. Это не минутная вспышка сантиментальности, не тѣ женскія слезы, о которыхъ говорится въ пѣснѣ, что онѣ, какъ роса: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Еслибъ чувство остыло или охладѣло подъ напоромъ естественныхъ дѣлъ и дѣлишекъ, не поколеблется разумъ, а поколеблется разумъ—поддержитъ чувство.

Мы имѣемъ теперь систему правды, ея обоснованіе и соціально-психологическія предпосылки. Ей трудно отказать въ извѣстной стройности. Всестороннее развитіе личности (цѣлостность недѣлимаго)—трудъ, какъ основная функція личности—интересы труда, какъ интересы личности — интересы трудящихся классовъ, трудящагося люда, народа въ смыслѣ совокупности трудящихся классовъ—вотъ различные звенья теоріи, старающейся связать воедино идеалъ съ дѣйствительностью, отыскать въ самой дѣйствительности такой общественный элементъ, такую общественную группу,

которая была бы наиболѣе заинтересована въ осуществленіи предносящагося намъ идеала.

Не трудно указать и составные ингредіенты этой „системы“ правды. Вошелъ въ нее и антропологизмъ Фейербаха *), вошло и ученіе о самоотчуждающейся личности, вошло Лассалевское построеніе идеи рабочаго сословія, перелицованнаго на русскій манеръ**), вошелъ и долгъ цивилизованныхъ классовъ народу, какъ главный импульсъ общественной дѣятельности. Вошли эти элементы большей частью безсознательно для самаго творца системы, объединявшаго ихъ въ одно неразрывное цѣлое. Специфически русская окраска этой комбинаціи заставила забыть ея автора, что всѣ элементы его системы были выработаны западно-европейской мыслью еще до 1844 г. Надо замѣтить, что и, вообще, зависимость нашей литературы отъ западно-европейской гораздо сильнѣе, чѣмъ это кажется иногда нашимъ „самостоятельнымъ“ мыслителямъ. Съ ними часто случается то же самое, что съ тѣмъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ г. Михайловскій. „Нынѣшній молодой человѣкъ уже воспитывается на многомъ изъ того, что въ свое время стоило большихъ усилій и жертвъ. Онъ самъ иной разъ не знаетъ, откуда запала ему та или другая мысль, то или другое чув-

---

*) Чрезъ посредство Н. Чернышевскаго, Н. Добролюбова и П. Лаврова.

**) „Все, что Лассаль говорилъ о рабочемъ сословіи, мы переносили на крестьянство, являвшееся для насъ нашимъ обездоленнымъ „четвертымъ сословіемъ“. Мы особенно близко къ сердцу принимали разсужденія Лассаля о томъ, что рабочій, отдавшійся борьбѣ за интересы своего сословія, другими словами, за свои собственные интересы, совершаетъ этимъ даже высоконравственный актъ, ибо служитъ дѣлу общечеловѣческаго прогресса — такъ какъ въ настоящую историческую эпоху рабочее сословіе является носителемъ прогресса, подобно тому какъ буржуазія была прогрессивнымъ элементомъ въ прошломъ вѣкѣ“. Дебагорій-Мокріевичъ, Воспоминанія. Выпускъ первый, стр. 14—15.

ство, и немудрено, что ему иногда кажется, что онъ дошелъ до нихъ вполнѣ самостоятельно, что онъ первый возвѣщаетъ извѣстную истину".

IV.

Въ изложенной нами системѣ былъ, однако, пунктъ, который, еще въ 70-хъ годахъ, вызвалъ ожесточенные споры между г. Михайловскимъ и народниками въ томъ смыслѣ, какъ это слово понимали тогда (П. Ч. и Юзовъ). Конечно, интересы народа должны служить верховнымъ критеріемъ, „все для народа", но не рискуемъ ли мы въ своей дѣятельности разойтись съ „мнѣніями" народа? Какъ поступить въ такомъ случаѣ? Пойти ли намъ наперекоръ „мнѣніямъ" народа и устроить его жизнь согласно нашимъ „мнѣніямъ" объ его „интересахъ"? Не превратимся ли „мы", такимъ образомъ, въ особую разновидность бюрократовъ, которые будутъ вершить судьбы народа по своему произволу? Не отвернется ли отъ насъ народъ, если мы не будемъ справляться съ его „мнѣніями"? Не лучше ли дѣйствовать согласно съ интересами людей, признанными и выраженными ими же самими, т. е. согласно также съ мнѣніями ихъ?

Этотъ литературный споръ явился отраженіемъ другого спора, кипѣвшаго среди революціонной молодежи. „Все для народа"—на этомъ всѣ сходились. Дальше начинались разногласія. Якобинская формула, „все для народа, но не чрезъ народъ", особенно послѣ злосчастнаго Нечаевскаго опыта, вызывала почти всеобщее негодованіе. Недовѣріе „къ здравому смыслу и волѣ народа", взглядъ на народъ, какъ „на безсмысленную толпу, которою надо командовать", глубоко возмущали молодежь. Нѣтъ! „Все для народа и посредствомъ народа" — одинаково говорили и мирные пропагандисты, и бунтари. Только революція, произведенная самимъ народомъ, имѣетъ шансы на успѣхъ.

Нужно лишь разъяснить народу его интересы, привести въ согласіе его „интересы“ съ его „мнѣніями“— и дѣло народной соціальной революціи обезпечено. Объ этомъ должна была позаботиться мирная пропаганда идей соціализма въ средѣ народа. На этой же точкѣ зрѣнія, въ сущности, стояли и бунтари.

Но если мирные пропагандисты признавали возможность не совпаденія „интересовъ“ народа съ его „мнѣніями“, то бунтари шли дальше: они считали идеалы „рабочихъ массъ“ въ Россіи „согласными въ существенныхъ основаніяхъ съ современнымъ соціализмомъ“. „Мнѣнія“ народа находились, по ихъ убѣжденію, въ согласіи съ его интересами. Дѣло шло только о томъ, какъ лучше съорганизовать народъ, и такое средство они нашли въ агитаціи на почвѣ насущныхъ, конкретныхъ, сознанныхъ народомъ потребностей. Такой взглядъ легко было довести до абсурда. Это и было сдѣлано. Въ нежеланіи навязать народу свои мнѣнія нѣкоторые народники договаривались до самыхъ реакціонныхъ вещей.*) Въ легальной литературѣ это теченіе въ различныхъ своихъ фазахъ отразилось въ статьяхъ П. Ч. и Юзова. Послѣдній особенно часто доводилъ до абсурда основную тенденцію стараго народничества. И съ такимъ противникомъ не трудно было справиться. Стоило только придраться къ какому нибудь курьезу, которыми изобиловали статьи автора „Основъ народничества“—и побѣда была одержана, и проклятый вопросъ о согласованіи „мнѣній“ народа съ его „интересами“ оставался опять безъ отвѣта.

Восьмидесятые годы опять поставили его на очередь.

---

*) Среди русскихъ революціонеровъ попадались одно время единичныя личности, которыя не прочь были примириться и съ „народнымъ царемъ“ — во имя „народничества“. Но эта отрыжка славянофильской чепухи улетучилась, кажется, „совершенно въ нашихъ рядахъ“. П. Аксельродъ. Все для народа и посредствомъ народа. Письмо въ редакцію. Вольное Слово. № 19.

Горькій опытъ дѣятельности для народа, но не чрезъ народъ, кончившійся такъ трагически, оживилъ старыя народническія традиціи. Ихъ выразителемъ явился Яковенко въ своемъ „Открытомъ письмѣ г. Михайловскому“ С. В. 86 г. II. Это письмо и отвѣтъ Михайловскаго лучше всего разъясняетъ намъ споръ о „мнѣніяхъ“ и интересахъ“.

„Если вы хотите,—говоритъ Яковенко,—въ дѣйствительности служить кому либо или расплатиться съ кѣмъ либо, то вамъ надо дѣйствовать согласно съ интересами этихъ людей, признанными и выраженными ими же самими, т. е. согласно также съ мнѣніемъ ихъ, а не подставлять вмѣсто этихъ послѣднихъ свое собственное пониманіе“. Все для народа и посредствомъ народа! Но что же дѣлать, если „мнѣнія“ этихъ людей не совпадаютъ съ моими „мнѣніями“ объ ихъ „интересахъ“? А какъ много такихъ случаевъ! Опять начать ту же сизифову работу? Продолжать работать для этихъ людей, не встрѣчая въ нихъ ни отклика, ни сочувствія?

И онъ съ тоской обращается къ учителю.

На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!

А учитель? Учитель на это отвѣчаетъ ему длиннымъ разсужденіемъ о „ненавидящей любви“. „Если Иванъ любитъ Ѳедору, которая велика, но любитъ ненавидящею любовью, потому что она дура *), то безспорно его положеніе тягостно, онъ герой мучитель-

*) Этотъ непочтительный тонъ по отношенію къ Ѳедорѣ особенно часто встрѣчается у Глѣба Успенскаго. Еще чаще онъ встрѣчается у типическихъ народовольцевъ „перваго призыва“. Это явленіе объясняется естественной реакціей противъ предшествовавшей идеализаціи. Въ то время наши легальные народники по поводу этихъ непочтительныхъ отзывовъ поднимали такой же вопль (напр. ст. „До чего договорился Глѣбъ Успенскій“), какой теперь поднимаютъ по поводу всякой, иногда не основательной, выходки какого нибудь „марксиста“ по адресу крестьянства.

ной драмы; но выскочить изъ этой драмы однимъ ловкимъ скачкомъ онъ не можетъ, закрывать глаза на свое положеніе не долженъ, а надо ему разобрать, въ чемъ величіе и въ чемъ дурость Ѳедоры, а затѣмъ направить всѣ свои усилія къ тому, чтобы уничтожить дурость и усилить величіе. Тутъ, но только тутъ, и драмѣ конецъ".

Ну, а если эта Ѳедора упорно остается дурой, а если она упорно гонитъ отъ себя своихъ пылкихъ поклонниковъ и, время отъ времени, ошарашиваетъ ихъ увѣсистымъ ударомъ, а то и въ управу благочинія препровождаетъ? Но этимъ не смутишь вѣрныхъ ея поклонниковъ. Для ея счастья они готовы отказаться „отъ всѣхъ своихъ самыхъ кровныхъ и дорогихъ интересовъ, даже жизнью пожертвовать, готовы на позоръ, на преступленіе, все что хотите". Но Ѳедора все таки дура и своихъ „мнѣній" измѣнить не хочетъ. Такъ не измѣнить ли намъ pour ses beaux yeux наши мнѣнія? Ни за что! Какъ ни любятъ они Ѳедору, но отказаться ради нея отъ своего „мнѣнія", спуститься до ея уровня— никогда!

„Можно самопроизвольно и, значитъ подъ условіемъ вмѣненія въ позоръ или доблесть, въ грѣхъ или заслугу, отказаться отъ тѣхъ или другихъ своихъ интересовъ ради иныхъ, чужихъ интересовъ, но отказаться отъ своихъ мнѣній—невозможно". А такъ какъ на измѣненіе умонастроенія Ѳедоры очень мало надежды, то остается только признать, что, въ сущности, вопросъ о „мнѣніяхъ" Ѳедоры не такъ уже важенъ. „Не знаю хорошенько, подлинными ли моими словами выражается Яковенко, говоря: „Вы полагаете, что нужно дѣйствовать въ интересахъ народа, а согласно ли это будетъ съ его мнѣніями или нѣтъ, это уже второстепенный вопросъ". Не то что второстепенный, но, во всякомъ случаѣ второй, да, я полагаю".

Михайловскій боится высказаться рѣшительно. Сказать, что вопросъ о „мнѣніяхъ" Ѳедоры не важенъ, значило бы согласиться съ „Все тѣмъ же" (П. Ткаче-

вымъ), съ которымъ онъ такъ рѣзко полемизировалъ въ 70-хъ годахъ. Вѣдь нельзя же не признать, что еслибы любовь къ Ѳедорѣ находила въ ея сердцѣ откликъ, то и работа по части превращенія Ѳедоры изъ дуры въ умницу шла бы и быстрѣе, и успѣшнѣе. Но убѣжденіе въ возможности согласить мнѣнія Ѳедоры съ ея интересами, не покидавшее Михайловскаго въ 70-хъ годахъ, уступило мѣсто разочарованію. Если Ѳедора не понимаетъ своего счастья, сдѣлаемъ ее счастливой противъ ея воли. Хочетъ она этого или нѣтъ—это вопросъ второстепенный.

Бѣдная Ѳедора! „Вѣка протекали, все къ счастью стремилось, все въ мірѣ по нѣсколько разъ измѣнилось“, а Ѳедора, которая хоть и велика, но все таки дура, съ глазами, выражавшими безконечное смиреніе, безропотно переносила всяческія муки, покорно позволяла мудрить надъ собою всякимъ московскимъ и петербургскимъ извергамъ. Насталъ наконецъ день освобожденія. Неужели же Ѳедора останется все той же дурой, и вся разница будетъ состоять лишь въ томъ, что прежде ее били и истязали, не справляясь съ ея мнѣніями, а теперь будутъ любить и лелѣять. Чувствуя справедливость этого протеста, Михайловскій спѣшитъ отвѣтить на него. „Какъ бы ни былъ далекъ вашъ идеалъ, ваше мнѣніе отъ мнѣнія народа, для практическаго осуществленія этого идеала необходимо считаться съ мнѣніями заинтересованныхъ. По крайней мѣрѣ необходимо пользоваться каждымъ случаемъ, когда это возможно“. Во всякомъ случаѣ, „мнѣнія заинтересованныхъ должны быть приняты, если не къ исполненію, такъ къ свѣдѣнію“.

Мы видимъ, „кающійся дворянинъ“ заговорилъ языкомъ, который удивительно напоминаетъ языкъ самого нераскаяннаго дворянина. Но, и помимо этого, такой отвѣтъ, конечно, является только пустой отговоркой. А если эти „мнѣнія“ все-таки остаются далеки отъ нашихъ мнѣній, а если принимаемыя къ свѣдѣнію мнѣнія окажутся такого рода, что у васъ зародится „же-

ланіе какого-то инстинктивнаго движенія кулакомъ въ эту самую народную массу“ *), Ѳедору тожъ? Но кто же эти Иваны, которые любятъ Ѳедору, кто будетъ принимать мнѣніе Ѳедоры, „если не къ исполненію, такъ къ свѣдѣнію“, кто устроитъ ея счастье?

Эти Иваны—это „мы“ „интеллигенція“ „вверху стоящіе, что городъ на горѣ“. Мы благополучно вернулись къ очищенному ткачевизму. Вотъ интересный pendant изъ подпольной области: „за эксплуатируемымъ большинствомъ придется признать одинъ очень существенный недостатокъ. Обыкновенно оно представляетъ собой пассивный элементъ. Лишь на короткое время оно превращается въ активный. Можно горько сѣтовать на это, но тѣмъ не менѣе подобная вещь логически (!) необходима... Предъ большинствомъ раскрывается, какъ видите, роковая дилемма: или умереть съ голоду вмѣстѣ съ хищниками или кормить себя и поддерживать роскошную жизнь организованныхъ эксплуататоровъ. Не будь выхода изъ этой дилеммы, было бы изъ за чего отчаяться за судьбу человѣчества! По счастью, выходъ есть. Какъ меньшинство выработало себѣ особый органъ нападенія и хищничества, современное государство,— такъ и большинство должно выработать себѣ особый органъ, защищающій его интересы и всегда готовый на борьбу съ насиліемъ и эксплуатаціей. Это и есть революціонное меньшинство (въ отличіе отъ меньшинства привилегированнаго и, стало быть, реакціоннаго)... И пустъ не пугаютъ насъ словесными „жупелами“: якобинство, диктатура, посягательство на свободное развитіе народа. Болѣе, чѣмъ кто либо, мы увѣрены, что народъ имѣетъ право на истинно человѣческое развитіе; мало того, въ цѣломъ онъ стремится къ болѣе нормальному, болѣе справедливому строю, чѣмъ настоящій... Сила революціоннаго меньшинства именно состоитъ въ томъ, что оно опирается обѣими ногами на основные интересы народа, большинство эксплуатируемой массы...

---

*) Глѣбъ Успенскій.

Большинство вѣчно вращается въ заколдованномъ кругу. Стремясь къ болѣе нормальнымъ условіямъ жизни, оно тѣмъ не менѣе не можетъ выработать въ себѣ достаточнаго активнаго протеста противъ современнаго строя. Ибо выработка активнаго протеста, вообще активнаго чувства общественной дѣятельности, уже предполагаетъ иныя условія жизни большинства. Кажется, отсюда выводъ ясенъ: революціонное меньшинство должно своимъ активнымъ протестомъ и борьбой измѣнить старыя условія и приспособить новыя къ нормальному развитію бильшинства" *).

Не трудно показать всю неосновательность этого разсужденія. Основное положеніе стараго народничества—все для народа и посредствомъ народа—остается во всей своей силѣ. Предоставимъ слово народнику. „Не отрицая того факта, что наша интеллигенція (т. е. *дѣйствительно образованный* слой общества) въ гораздо большей степени, чѣмъ буржуазная интеллигенція Запада, демократична, не мѣшаетъ, однако, обратить вниманіе на два обстоятельства: во 1) искренне демократичная интеллигенція составляетъ всетаки меньшинство въ общемъ составѣ образованной части нашего общества, а во 2) аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ и въ исторіи другихъ странъ, въ эпохи борьбы съ абсолютизмомъ... Интеллигенціи, какъ совокупности лицъ, проникнутыхъ исключительно идеальными стремленіями, живущихъ вполнѣ внѣ классоваго антагонизма, не существуетъ... результатъ борьбы за политическую свободу въ громадной степени зависитъ отъ того, какая роль выпадаетъ въ этой борьбѣ на долю именно рабочихъ массъ .... Лозунгъ: „все для націи", даже съ прибавкой: „посредствомъ заинтересованной въ этомъ дѣлѣ части націи", при всей своей внѣшней идеальности, оказывался до сихъ поръ на дѣлѣ прекраснымъ орудіемъ въ рукахъ привилегированныхъ

---

*) К. Тарасовъ, „Банкротство буржуазной науки" Вѣстникъ Народной Воли. I. ст. 86, 89, 90.

классовъ или ихъ руководителей увлекать рабочія массы на дѣло загребанія жара своими руками на пользу первыхъ.... чѣмъ сильнѣе будетъ участіе истинно народныхъ элементовъ въ общемъ составѣ реформирующихъ строй имперіи фактовъ, тѣмъ больше шансовъ отклонить направленіе равнодѣйствующей всѣхъ этихъ преобразовательныхъ усилій въ сторону интересовъ „безграмотныхъ и забитыхъ "*).

Кто же правъ? Теоретически былъ правъ второй, да этого не отрицалъ и его противникъ. Конечно, работа для народа и посредствомъ народа должна быть для насъ идеаломъ. Но что же дѣлать, если этотъ народъ молчитъ? Сложить руки на груди? Послѣдовательный народникъ, ставившій выше всего дѣятельность для народа посредствомъ народа, соглашается скорѣе на политическую бездѣятельность, чѣмъ на сосредоточеніе революціоннаго движенія исключительно въ средѣ интеллигенціи **). Но это легче было сказать, чѣмъ сдѣлать.

Революціонная мысль тревожно искала выхода изъ этого заколдованнаго круга; безъ народа революція ни къ чему не приведетъ, а народъ не хочетъ этой революціи. „Интересы" его на сторонѣ революціонеровъ, но „мнѣнія" его шли въ разрѣзъ съ его же интересами. Субъективная логика народа упорно не хотѣла придти въ согласіе съ объективными условіями его существованія, толкавшими его, повидимому, въ сторону соціализма.

Невольно возникали слѣдующіе вопросы: нѣтъ ли въ этихъ объективныхъ условіяхъ такихъ элементовъ, которые служатъ непреодолимымъ препятствіемъ для такого согласованія? Есть ли надежда на измѣненіе въ этихъ объективныхъ условіяхъ? Представляетъ ли этотъ народъ нѣчто однородное? Дѣйствительно ли условія его существованія такъ рѣзко отличаются отъ западно-

---

*) П. Аксельродъ. „Все для народа и посредствомъ народа". „Вольное Слово". № 19.

**) ibidem.

европейскихъ? Вотъ вопросы, на которые пытается дать отвѣтъ революціонная мысль.

А дѣйствительность давала слишкомъ много фактовъ, шедшихъ въ разрѣзъ со старыми представленіями. Народъ оказался далеко не такимъ однороднымъ, какъ это представляла себѣ интеллигенція. Кулачество и ростовщичество оказались не наноснымъ явленіемъ, не принесеннымъ извнѣ паразитомъ; они выростали изъ народной почвы и питались ея соками. Товарное производство отнимало одну позицію за другой у натуральнаго хозяйства. Община разлагалась; она не только не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ, но сама во многихъ мѣстахъ являлась орудіемъ эксплуатаціи бѣдныхъ общинниковъ богатыми. Подъ этимъ остаткомъ старины скрывалась вполнѣ индивидуалистическая организація хозяйства, изолировавшая одинъ дворъ отъ другого не въ меньшей степени, чѣмъ была изолирована одна община отъ другой. Артель, при болѣе пристальномъ изученіи, тоже оказалось гораздо болѣе пригодной для эксплуатаціи однихъ членовъ артели другими, чѣмъ для солидарнаго введенія хозяйства. „Самобытность“ оказалась плохой защитой и въ борьбѣ съ фабрикой. Приходилось признаться, что капитализмъ сдѣлалъ громадные успѣхи.

Извѣстная статья Ник—она, не смотря на невѣрное объясненіе генезиса русскаго капитализма, воочію показала, что „капиталистическое теченіе видимо пересиливаетъ“. Изъ картины пореформеннаго хозяйства, нарисованной Николай—ономъ, неотразимо вытекалъ выводъ, сдѣланный еще Михайловскимъ. „Дождавшись національнаго разрѣшенія національной задачи“, мы, можно сказать, въ ту же минуту настежь отворили свои ворота банкирской и желѣзнодорожной Европѣ. Эта Европа, вторгаясь къ намъ безъ всякаго съ нашей стороны протеста, быстро и цѣпко душитъ задатки нашего оригинальнаго или, пожалуй, если хотите, національнаго экономическаго развитія. Наше недостроенное зданіе не только не мѣшаетъ этому вторженію, а,

напротивъ, способствуетъ ему волею и неволею, предоставляя государственныя средства на преувеличенное развитіе частныхъ интересовъ и кладя къ подножію ихъ благосостояніе народа и „національный“ принципъ. А мы, тѣмъ временемъ, все съ гордостью вспоминаемъ, что дождались національнаго рѣшенія національныхъ задачъ! Мало того, ссылаясь на этотъ, такъ сказать, съѣденный молью примѣръ, рекомендуемъ ожиданіе, какъ политическій принципъ, программу! А лѣтъ пятнадцать тому назадъ, это были бы, можетъ быть, разумныя рѣчи. Теперь онѣ запоздали. Апплодируя торжественному вшествію банкирской и желѣзнодорожной Европы, смѣшно до.... до чего хотите смѣшно, запирать двери предъ Европой политической и научной.... ибо, даже признавая разныя гордости г.г. Аксаковыхъ и иныхъ въ принципѣ законными, Европа можетъ обратиться къ намъ словами книги пророка Исаіи: „И ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы! И ты сталъ подобенъ намъ! Въ преисподнюю низвержена гордыня твоя со всѣмъ шумомъ твоимъ; подъ тобою подстилается червь, и черви—покровъ твой!“

Да! Россія становилась подобна Европѣ! Она все больше удалялась отъ того пути, идя по которому она могла бы миновать тернистый путь Западной Европы. Это сознаніе какъ бы удесятерило энергію революціонной интеллигенціи. И вотъ, собравъ всѣ свои силы, „замѣнивъ динамитомъ отсутствіе матеріальной силы и малочисленность борцовъ ихъ безконечнымъ самоотверженіемъ“, она бросилась въ послѣдній смертный бой съ деспотизмомъ, чтобы создать себѣ болѣе благопріятныя условія для своей великой задачи: избавленія Россіи отъ шуйцы капитализма. Деспотизму былъ нанесенъ страшный ударъ. Нѣкоторое время казалось, что онъ побѣжденъ, что онъ собирается уступить, но, убѣдившись, что за кучкой героевъ никто не послѣдовалъ, деспотизмъ оправился и, развернувъ знамя „народной политики“, давши полную свободу хищническимъ инстинктамъ различныхъ эксплуататоровъ, онъ

раздавилъ „Народную Волю“ *). Цвѣтъ цѣлаго поколѣнія былъ безжалостно скошенъ.

Плохая имъ досталась доля:
Немногіе вернулись съ поля!

„Идея, отрѣшенная отъ массы“, оказалась безсильной, народъ продолжалъ оставаться глухимъ къ призывамъ тѣхъ, которые остались вѣрны старому знамени. Большинствомъ овладѣли уныніе и разочарованіе, лишь маленькая кучка бросается въ „поиски“ „за точкой опоры для борьбы“ и старается понять причины своего пораженія.

Мы стали подобны Европѣ, но обезсилѣли ли мы отъ этого? Не является ли наше „безсиліе“ источникомъ новой силы? Что говоритъ намъ европейская дѣйствительность? И пытливая революціонная мысль обращается на западъ.

V.

А тамъ, къ началу восьмидесятыхъ годовъ, произошли большія перемѣны. Революціонное движеніе, которое, послѣ распущенія Интернаціонала, казалось, замерло, опять оживаетъ. Нѣмецкая соціалдемократія, послѣ нѣкоторыхъ колебаній и ошибокъ конца семидесятыхъ годовъ, приняла опять, на Виденскомъ конгрессѣ 1880 г., революціонную программу, а на выборахъ 1881 г. показала, какую непреодолимую силу представляетъ собою пролетаріатъ, проникнутый классовымъ самосознаніемъ. Французскій пролетаріатъ, совершенно обезсиленный послѣ страшнаго кровопуска-

*) Будущій историкъ Россіи долженъ будетъ отмѣтить, что цѣлый рядъ уступокъ и „реформъ“ эпохи „диктатуры сердца“ и „народной политики“ былъ произведенъ изъ подъ палки „Народной Воли“. Когда она была побѣждена, деспотизмъ пересталъ стѣсняться: тогда только реакція начинаетъ праздновать свои оргіи.

нія 1871 г., еще въ 1876 г., отвергшій на Парижскомъ конгрессѣ соціалистическія теоріи, присоединяется въ лицѣ своихъ наиболѣе сознательныхъ элементовъ къ марксистской программѣ. Въ Англіи, пролетаріатъ который, по мнѣнію всѣхъ катедеръ-соціалистовъ, былъ навсегда застрахованъ отъ соціалистической заразы, образуется соціалдемократическая федерація, ставящая себѣ цѣлью организовать рабочій классъ въ особую политическую партію. Къ этому же времени относится образованіе соціалдемократическихъ организацій и въ другихъ странахъ. Сѣмена, посѣянныя „доктринерами“ Интернаціонала, пустили крѣпкіе ростки. Всюду пролетаріатъ начинаетъ собираться подъ знаменемъ соціалдемократіи и становится главнымъ оплотомъ всѣхъ прогрессивныхъ стремленій.

Отчего же идеи соціализма, такъ плохо принимавшіяся на россійской почвѣ, пустили такіе прочные корни на западѣ? Почему же европейскій пролетаріатъ оказывается болѣе способнымъ воспринимать эти идеи, чѣмъ пропитанный общинными инстинктами русскій народъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ научный соціализмъ. Болѣе близкое знакомство съ „непрочитанною главою любимой книги“ т. е. философско-исторической частью ученія Маркса и Энгельса показало, что тѣ самые вопросы, которые возникли для Россіи въ восьмидесятыхъ годахъ, ставились въ Германіи уже въ сороковыхъ. И въ Германіи „интеллигенція“, выработавши идеалъ гармонически развитой личности, пришла къ заключенію, что онъ осуществимъ только въ соціалистическомъ обществѣ. И въ Германіи „интеллигенція“ обратилась къ „хижинамъ“, чтобы направить ихъ противъ „дворцовъ“, но „хижины“ не откликнулись на страстный призывъ Бюхнеровъ и Вейдиговъ. И германской интеллигенціи пришлось себѣ поставить тотъ же вопросъ: почему же „мнѣнія“ народа такъ плохо согласуются съ его „интересами“?

И въ то время, какъ демократы то разражались

горячими филиппиками по адресу бѣднаго Михеля, то обращались къ „обществу“, молодой Марксъ поставилъ вопросъ иначе: нѣтъ ли въ этомъ угнетенномъ народѣ такихъ элементовъ, которые, самими условіями своего существованія, толкались бы въ ту же сторону, въ какую направляется „интеллигенція“, которые влили бы кровь, дали бы жизнь, „сердце“, тому движенію, головой котораго явился бы высшій продуктъ германской жизни, ея „философія“? И, анализировавъ объективныя условія существованія разныхъ общественныхъ классовъ, Марксъ пришелъ къ заключенію, что этимъ „сердцемъ“ долженъ стать пролетаріатъ. Прослѣдимъ его аргументацію: мы встрѣтимъ въ ней много знакомаго.

„Мы“, „на верху стоящіе, что городъ на горѣ“ подвергли самой безпощадной критикѣ все небесное и земное. Своей критикой религіи мы освободили людей отъ иллюзіоннаго счастья и этимъ заставили ихъ искать счастья въ этомъ мірѣ. Мы поняли, что и земные идеалы являются такими же продуктами самого человѣка, какъ религія и языкъ. Вмѣсто того, чтобы поклоняться разнымъ, созданнымъ имъ же самимъ, идоламъ, человѣкъ выше всего долженъ поставить цѣлостнаго человѣка. Для этого нужно уничтожить общественныя условія, которыя дѣлаютъ изъ человѣка униженное, порабощенное, опустившееся, презираемое существо, и создать вмѣсто нихъ новыя условія, при которыхъ высшимъ существомъ для человѣка явился бы самъ человѣкъ. Этому требованію удовлетворяетъ только соціалистическій строй.

Но сама по себѣ „идея“ безсильна. Она жизненна только тогда, когда является „идеей“ класса, когда она является его сознаннымъ мнѣніемъ или представленіемъ, когда она уже in potentia заключается въ матеріальныхъ условіяхъ существованія даннаго класса. Слѣдовательно, наша философія можетъ перейти въ дѣйствительность, только опираясь на классъ, который представлялъ бы полную утрату

всего человѣческаго и могъ бы, поэтому, завоевать себѣ мѣсто въ жизни, лишь снова пріобрѣтая сполна всѣ права человѣка. Сами условія существованія этого класса необходимо измѣняютъ его „мнѣнія“ въ томъ же направленіи, въ которомъ его толкаетъ наша философія. Протестуя противъ условій своего существованія, этотъ классъ протестуетъ тѣмъ самымъ противъ общественныхъ условій, обезчеловѣчивающихъ человѣка. Онъ не можетъ освободиться, не уничтоживъ собственныхъ условій существованія. Онъ не можетъ ихъ уничтожить, не уничтоживъ въ то же время всѣхъ нечеловѣчныхъ условій жизни, всею своею тяжестью падающихъ на него.

Дѣло вовсе не въ томъ, что̀ тотъ или иной пролетарій, а иногда и даже весь пролетаріатъ, „мнитъ“. Дѣло идетъ о томъ, что̀ пролетаріатъ есть и что сообразно этому бытію своему онъ исторически принужденъ сдѣлать. „Мнѣнія“ его только временно могутъ придти въ столкновеніе съ его „интересами“. Онъ не имѣетъ возможности отдѣлить „теорію“ отъ „практики“ и успокоиться въ области „чистаго созерцанія“ или фаталистическаго индифферентизма. Повелительная нужда—это выраженіе исторической необходимости—служитъ для него „категорическимъ императивомъ“, толкаетъ его къ борьбѣ за свое освобожденіе и толкаетъ тѣмъ сильнѣе, что она не есть нужда, вызванная естественными условіями. Наоборотъ, это—нужда, искусственно вызванная, сопровождающая данныя общественныя условія. Идея отрицанія частной собственности, соціализмъ, находитъ себѣ въ интересахъ пролетаріата прочную опору. Да и какой классъ отнесется болѣе внимательно къ этой идеѣ, если не классъ, принципомъ существованія котораго является отрицаніе этой частной собственности? „Идея“, такимъ образомъ, пріобрѣтаетъ сочувствіе массъ, „мнѣнія“ массы на ея сторонѣ, а, овладѣвъ массами, „идея“ сама становится матеріальной силой. Всякая попытка изолировать ее отъ массы, чѣмъ бы эта попытка не объяснялась, во-

детъ къ ея посрамленію. Нельзя, поэтому, достаточно энергично протестовать противъ такихъ попытокъ.

Посрамленіе „идеи“ не доказываетъ вообще равнодушія массы; оно доказываетъ только, что данная „идея“ не являлась выраженіемъ „интересовъ“ массы и, если являлась, то въ очень недостаточной степени. Не идя къ „сердцу“ массы, она не могла вызвать энтузіазма, а безъ него невозможны великія историческія событія.

„Интеллигенція“, не найдя себѣ сочувствія въ народной массѣ, склонна была отнестись къ ея „мнѣніямъ“, какъ къ второстепенной вещи, относиться къ массѣ, какъ высшій къ низшему. Она забывала, что „мнѣнія“ обусловливаются обстоятельствами, опредѣляются общественнымъ положеніемъ данной массы. Если „мнѣнія“ массы не измѣнялись, то это значило только, что новая „идея“ не находитъ никакой точки опоры въ условіяхъ жизни этой массы: виновата не масса, а „интеллигенція“, обратившаяся не по тому адресу. Поэтому, всѣ филиппики противъ массы свидѣтельствуютъ о недомысліи „интеллигенціи“. Нужно было обратиться съ своей „идеей“ къ людямъ, все жизненное положеніе которыхъ формируетъ ихъ „мнѣнія“ въ направленіи данной „идеи“. Выводъ: чтобы воплотить въ жизнь дорогую намъ „философію“, намъ нужно обратиться съ своей проповѣдью къ пролетаріату. Только онъ заинтересованъ въ осуществленіи нашей „идеи“, такъ какъ она можетъ осуществиться только, когда исчезнутъ условія, порождающія съ одной стороны богатство, буржуазію, съ другой нищету, пролетаріатъ, когда, слѣдовательно, будетъ уничтожена частная собственность. Кому, поэтому, дорога „идея“, тому нужно, въ своей практической и теоретической дѣятельности, выбрать критеріемъ интересы пролетаріата, какъ единственнаго класса, „мнѣнія“ котораго самими условіями его существованія измѣняются въ желательномъ для насъ направленіи.

Уже выработавъ эту „точку зрѣнія“, правильность

которой вскорѣ была подтверждена самой нѣмецкой дѣйствительностью*), Марксъ пришелъ къ заключенію, что ключъ къ объясненію дѣйствительности (государственныхъ формъ и правовыхъ отношеній) нужно искать въ матеріальныхъ условіяхъ жизни. Дальнѣйшія изслѣдованія привели его къ выводу, что въ каждую данную историческую эпоху экономическая структура общества составляетъ основу его политической и умственной исторіи. Оказалось, что не только современная эпоха характеризуется борьбою классовъ, но что вся исторія (писанная) была исторіей классовой борьбы. Оказалось дальше, что капиталистическій процессъ производства самъ создаетъ всѣ матеріальные и интеллектуальные элементы будущаго строя и что самая постановка такой задачи возможна была потому только, что на лицо уже имѣлись матеріальныя условія ея рѣшенія. Только теперь борьба классовъ достигла той ступени, на которой эксплуатируемый и угнетаемый классъ (пролетаріатъ) не можетъ освободиться отъ эксплуатирующаго и угнетающаго его класса (буржуазіи), не освободивъ въ то же время и навсегда всего общества отъ эксплуатаціи, угнетенія и классовой борьбы.

Выяснилось такимъ образомъ, что пролетаріатъ не только долженъ сдѣлать это, но и можетъ это сдѣлать. Болѣе внимательный анализъ экономическихъ условій показалъ кромѣ того, что пролетаріатъ отличается отъ другихъ угнетенныхъ и эксплуатируемыхъ классовъ не степенью эксплуатаціи, а, въ несравненно большей мѣрѣ, ея формой. При товарномъ производствѣ, а стало быть и при капитализмѣ, т. е. такой формѣ товарнаго производства, при которой на рынкѣ

---

*) Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ выхода „Deutsch—Französische Jahrbücher“, гдѣ Марксъ впервые развилъ свою точку зрѣнія, вспыхнуло возстаніе силезскихъ ткачей. Оно ясно показало, что только у пролетаріата имѣется „та революціонная отвага, которая бросаетъ своему противнику дерзкій вызовъ: „я ничто и хочу быть всѣмъ“.

является специфическій товаръ — рабочая сила человѣка, — только пролетаріатъ борется противъ самихъ основъ эксплуатаціи, потому что товарное производство никого не бьетъ такъ сильно, какъ именно пролетаріатъ. Вѣдь онъ принужденъ жить продажей самого себя, своей рабочей силы, въ то время какъ другіе угнетенные классы — мелкая буржуазія во всѣхъ ея видахъ, крестьянство, ремесленники—ничего не имѣютъ противъ самаго товарнаго производства и, какъ классы, желали бы только устранить условія, ставящія ихъ товары въ неблагопріятное положеніе въ сферѣ конкурренціи.

Важенъ такимъ образомъ не только фактъ порабощенія—порабощены и другіе классы,—несравненно важнѣе его форма, потому что съ измѣненіемъ этой формы мѣняются и мнѣнія, которыя зарождаются и могутъ зародиться въ головѣ порабощаемаго. Въ то время, какъ „мнѣнія“ мелкой буржуазіи и крестьянства дѣлаютъ ихъ безсознательными (въ лучшемъ случаѣ) союзниками господствующихъ классовъ вопреки, казалось бы, ихъ интересамъ — частная собственность и для тѣхъ и другихъ есть nec plus ultra человѣческой свободы и индивидуальной независимости—„мнѣнія“ пролетаріата, какъ класса, въ историческомъ процессѣ развитія все больше приходятъ въ согласіе съ его „интересами“. Поэтому, „изъ всѣхъ классовъ, которые противостоятъ теперь буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Всѣ прочіе классы приходятъ въ упадокъ и уничтожаются съ развитіемъ крупной промышленности: пролетаріатъ же именно ею и создается“. „Движеніе пролетаріата, такимъ образомъ, есть (и становится все больше и больше) движеніемъ огромнаго большинства въ интересахъ огромнаго большинства“.

Но важенъ не только количественный его ростъ. Массовыя движенія были и раньше. Гораздо важнѣе его „качественный“ ростъ. Въ то время, какъ съ раз-

витіемъ капитализма, значеніе другихъ трудящихся классовъ, съ каждымъ днемъ, падаетъ, пролетаріатъ, наоборотъ, становится все болѣе и болѣе важнымъ факторомъ общественной организаціи производства. Въ то время, какъ энергія сопротивленія другихъ угнетенныхъ классовъ разсѣевается по безчисленнымъ точкамъ „общественнаго организма", энергія пролетаріата концентрируется въ немногихъ, наиболѣе чувствительныхъ, его пунктахъ. Тутъ онъ сбрасываетъ съ себя всѣ „особенности", — профессіональныя, религіозныя, національныя и т. д.,—и превращается въ одну великую солидарную и сплоченную армію борцовъ за лучшее будущее.

„Точка опоры" народниковъ, — „народъ",—съ развитіемъ экономическихъ отношеній, раскалывается на части съ различными интересами (однородное превращается въ разнородное), пролетаріатъ, напротивъ, вступая въ этотъ процессъ, вслѣдствіе различныхъ условій своего генезиса, разъединеннымъ, съ развитіемъ тѣхъ же самыхъ экономическихъ отношеній, превращается въ одно цѣлое съ однородными интересами (разнородное превращается въ однородное). Конечно, и другіе эксплуатируемые классы имѣютъ революціонное значеніе, но они имѣютъ его „лишь постольку, поскольку имъ предстоитъ переходъ въ ряды пролетаріата, поскольку они защищаютъ *не современные, но будущіе* свои интересы, по скольку они покидаютъ свою точку зрѣнія (т. е. отказываются отъ „мнѣній", порождаемыхъ въ ихъ головахъ ихъ современными „интересами") и становятся на точку зрѣнія пролетаріата". Классовая идеологія пролетаріата (его „мнѣнія"), такимъ образомъ, все болѣе и болѣе становится идеологіей всѣхъ „обремененныхъ и нуждающихся", и во главѣ великаго освободительнаго движенія человѣчества становится уже не маленькая кучка идеологовъ, критически мыслящихъ личностей, а могучій, проникнутый сознаніемъ своей исторической миссіи, пролетаріатъ.

Что же? Теряетъ ли отъ этого „интеллигенція“? Становится ли ея задача менѣе идеалистической? Она „выигрываетъ“ во всѣхъ отношеніяхъ. „Интеллигенціи“, „идеологамъ, возвысившимся до теоретическаго пониманія всего хода историческаго развитія“, не грозитъ уже опасность остаться не понятой и быть раздавленной господствующими классами. Съ нея снимается непосильная для нея задача „стоять на стражѣ интересовъ народа, охранять ихъ“, задача опасная еще тѣмъ, что развиваетъ въ интеллигенціи склонность отдѣлять себя отъ массы, ставить себя надъ ней, смотрѣть на нее, какъ на матеріалъ. „Тяжко быти единому“. Становитесь въ ряды борющагося за свое освобожденіе пролетаріата, помогите, вы богатые знаніемъ и наукой, „восполнить до нѣкоторой степени недостатокъ историческаго опыта“, и вы увидите, какой страшной, непреодолимой силой становится знаніе, наука, заключившіе союзъ съ пролетаріатомъ. И если слова „всестороннее развитіе личности“ не только фраза въ вашихъ устахъ, если это не „плѣнной мысли раздраженье“, то вы поймете, что только эта дѣятельность можетъ ускорить наступленіе общественнаго строя, при которомъ свободное развитіе каждаго станетъ условіемъ свободнаго развитія всѣхъ!

Руководясь въ своей дѣятельности этимъ критеріемъ—интересами пролетаріата, не только какъ онъ есть, но и какъ онъ развивается—вы не рискуете запутаться, вамъ не грозитъ опасность попасть подъ власть пышныхъ фразъ, которыми такъ долго убаюкивала себя демократія. Предоставьте другимъ работать во имя прогресса, истины, справедливости добра, красоты! Слишкомъ часто всѣ эти Schlagworte, какъ говорятъ нѣмцы, служили прикрытіемъ для эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ классовъ.

Но почему же не выбрать критеріемъ интересы труда, трудящихся классовъ? Да просто потому, что трудъ—понятіе, не имѣющее опредѣленнаго ни историческаго, ни соціологическаго смысла, съ нимъ не координируется ни ка-

кая опредѣленная система общественныхъ отношеній, это столько же біологическій, сколько и соціологическій терминъ. Трудится крестьянинъ, трудится ремесленникъ, трудится наемный рабочій—отвлекаясь отъ формы, въ которой проявляется ихъ трудъ, мы этимъ самымъ отвлекаемся отъ тѣхъ опредѣленныхъ общественныхъ отношеній, при которыхъ и въ которыхъ совершается трудъ. Это—обычная ошибка идеализма, ошибка, въ которую впадаетъ и вульгарный матеріализмъ: онъ такъ поглощенъ сущностью вещей, что не замѣчаетъ или проходитъ мимо формъ, въ которыхъ проявляется эта сущность. Она обрекала идеализмъ на безсиліе въ области изслѣдованія природы, она же обрекаетъ его на безсиліе въ области исторіи и соціологіи.

„Вся исторія—это длинный мартирологъ трудящихся классовъ, въ основѣ ея лежитъ насиліе, порабощеніе“. Но далеко ли мы уйдемъ, если забудемъ, что это насиліе, втеченіи историческаго процесса, принимало различныя формы: однѣ формы увѣковѣчиваютъ это насиліе и превращаютъ человѣческое общество въ пчелиный улей или муравейникъ, другія—вызываютъ и питаютъ протестъ противъ насильниковъ и поработителей. Не менѣе разнообразными являются эти формы и въ настоящее время и, если мы забудемъ ихъ differentia specifica, то мы не поймемъ и differentia specifica тѣхъ міровоззрѣній, которыя складываются на почвѣ различныхъ формъ насилія. За лѣсомъ мы рискуемъ не увидѣть деревьевъ.

Передъ вами мастеръ и его подмастерье, мужикъ и его батракъ—можете ли вы смотрѣть на нихъ, какъ на нѣчто однородное? Мастеръ желаетъ удлинить рабочій день и уменьшить заработную плату, подмастерье—наоборотъ. Но вы захотите, быть можетъ, изъ „трудящихся классовъ“ изгнать мастеровъ, имѣющихъ подмастерьевъ и мужиковъ, нанимающихъ батраковъ? Вы оставите только ремесленниковъ одиночекъ и крестьянъ, обходящихся безъ наемнаго труда. Прекрасно. Но мы вѣдь съ вами хорошо знаемъ,—на то мы

и соціалисты,—что причина всѣхъ ихъ злоключеній лежитъ въ товарномъ производствѣ, т. е. въ послѣднемъ счетѣ—въ частной собственности на орудія производства. Является ли ихъ *классовымъ интересомъ* уничтоженіе этой частной собственности? Посмотрите на всѣ эти націоналистическія, антисемитскія и клерикальныя партіи,—и вы увидите, съ какимъ трудомъ ремесленники, крестьяне и вообще мелкая буржуазія, отказываются отъ надежды улучшить свое положеніе путемъ сохраненія и укрѣпленія своей частной собственности, какой высокой степени развитія долженъ онъ достигнуть, чтобы перейти на точку зрѣнія пролетаріата *). Попробуйте съ точки зрѣнія интересовъ *трудящихся* классовъ оцѣнить такое явленіе, какъ *кредитъ*, и вы увидите, какъ, при всемъ вашемъ нежеланіи, вы не сможете не стать на мелко-буржуазную точку зрѣнія.

Съ вами мы согласны, что въ обществѣ, расчлененномъ на классы, приходится оставить всякія надежды на „объективное" изслѣдованіе, что каждый изъ насъ долженъ прямо заявить: „вотъ тотъ родъ людей, которымъ я симпатизирую, въ положеніе которыхъ я мысленно переношусь", но этотъ „родъ людей" мы видимъ въ рабочемъ классѣ, въ пролетаріатѣ.

„Субъективныя разногласія,—говоритъ Н. Михайловскій,—сообщеніемъ знаній не устраняются, потому что и порождаются они не различіемъ въ количествѣ знаній, а различіемъ симпатій и антипатій, различіемъ общественныхъ положеній, препятствующихъ людямъ представлять себѣ чужія мысли и чувства въ формѣ

---

*) Послѣдовательному народнику нужно было только убѣдиться, что мелкая буржуазія можетъ обратиться къ соціализму, лишь отказавшись отъ своей классовой точки зрѣнія, ergo подвергаясь сильному воздѣйствію пролетарской точки зрѣнія, чтобы онъ сталъ соціалдемократомъ. См. ст. Аксельрода „Соціализмъ и мелкая буржуазія" В. Н. В. кн. 1 и 2.

собственныхъ“ *). Это „общественное положеніе“ пролетаріата порождаетъ въ немъ симпатіи и атипатіи, тождественныя съ „нашими“, „его чувства и мысли“ становятся „нашими“. Въ то время, какъ „голосъ“ деревни, народа (трудящихся классовъ), теряетъ свою первобытную гармонію, замѣняясь отчаянною разноголосицей, въ которой все отчетливѣе слышится хрюканье „торжествующей свиньи“, „голосъ“ пролетаріата становится все гармоничнѣе и все больше сливается въ унисонъ съ голосомъ „интеллигенціи“.

И чѣмъ рѣшительнѣе мы будемъ въ своей дѣятельности руководиться интересами только этого класса, тѣмъ скорѣе будутъ созданы условія, при которыхъ можно будетъ устранить „субъективныя разногласія“ и среди „трудящихся классовъ“.

У насъ теперь чрезвычайно расплодились люди, которые любятъ о „честности высокой“ говорить, то бишь о нравственности. Отъ нихъ мы узнаемъ, что Марксъ и Энгельсъ сказали новое слово только въ области соціально экономической, что „по своему философскому и идеалистическому духу Лассаль стоитъ выше Маркса, именно ему (?) принадлежитъ идеалистическое истолкованіе „идеи четвертаго сословія“, именно онъ (?) съ необыкновенной силой показалъ общечеловѣческій характеръ идеи и вложилъ въ нее цѣнное моральное содержаніе“ **).

Опровергать эту хронологическую и логическую нелѣпость не стоитъ. Мы спросимъ только людей, такъ

---

*) „Сообщеніе свѣдѣній“, конечно, не всесильно: ему на помощь должно придти измѣненіе общественныхъ условій, но одна возможность безпрепятственнаго „сообщенія свѣдѣній“ уже представляетъ очень крупный шагъ на пути къ такому обществу, въ которомъ исчезнутъ „субъективныя разногласія“, порождаемыя различіемъ общественныхъ положеній. А между тѣмъ, однимъ изъ главныхъ препятствій къ достиженію этой возможности служитъ пассивность того же „народа“.

**) Н. Бердяевъ, Борьба за идеализмъ. Міръ Божій, Іюнь 1901 г.

много говорящихъ объ отсутствіи моральнаго содержанія въ системѣ Маркса: если борьба за осуществленіе своего идеала, если стремленье связать въ одно неразрывное цѣлое „теорію“ съ „практикой“, „идеалы“ съ „дѣйствительностью“, съ рискомъ „положить душу свою за други свои“ не нравственно, то что же для нихъ нравственно, что въ состояніи удовлетворить ихъ нравственное чувство? Не нравственность ли буржуазіи, высшимъ идеаломъ которой является возможность давать правой рукой такъ, чтобы того не вѣдала лѣвая, нравственность, не видящая ничего безнравственнаго въ самомъ фактѣ существованія людей, дающихъ и получающихъ, людей имѣющихъ возможность давать только потому, что у другихъ все отнимается?

Но идеаломъ пролетаріата и „матеріалистовъ“ является „сытость“, „матеріальное обезпеченіе“! On veux, que les malheureux soient parfaits! И до такихъ архибуржуазныхъ пошлостей договорились тѣ самые люди, которые, на другой страницѣ, признаютъ „матеріалистическое пониманіе исторіи“. Бросьте міръ сытыхъ, а потому не думающихъ о сытости, людей. Идите въ міръ обездоленныхъ тружениковъ, и вы увидите, какая высокая нравственность развивается въ подвалахъ и углахъ, въ которые проникла проповѣдь новаго идеала! Эта нравственность въ корнѣ отрицаетъ всѣ старыя системы морали. Даже лучшія изъ нихъ не видѣли ничего безнравственнаго въ раздѣленіи общества на классы и только старались смягчить его послѣдствія. А пролетаріатъ изъ условій своего существованія создаетъ новую мораль, исключающую возможность смотрѣть на человѣка, какъ на средство.

Рабочій классъ не можетъ не протестовать противъ унаслѣдованной, традиціонной морали. Только онъ въ борьбѣ за свое освобожденіе создастъ условія, при которыхъ человѣкъ перестанетъ быть средствомъ. И что можетъ быть нравственнѣе дѣятельности, направлен-

пой на уничтоженіе самой основы всего безнравственнаго, господства одного человѣка надъ другимъ?

Но мы уклонились въ сторону. Не эти вопросы послужили пунктомъ разногласій между нами и „семидесятниками“. Рѣчи о томъ, что соціализмъ ставитъ себѣ идеаломъ „сытость“, были и имъ знакомы. Такъ же, какъ и мы, знали они, что рѣчи эти—„мѣдь звенящая и кимвалъ бряцающій“.

И они,—„die Brust voll Wehmut, das Haupt voll Zweifel,—хотѣли узнать „загадку жизни“, познать міръ, какъ онъ есть. Нѣкоторые быстро рѣшили всѣ эти вопросы, усвоивъ себѣ міросозерцаніе нѣмецкихъ матеріалистовъ пятидесятыхъ годовъ. Другіе, не удовлетворявшіеся такимъ рѣшеніемъ, обратились къ позитивизму, а затѣмъ къ научной философіи *). У насъ и послѣ сю увлекались, но увлеченіе ею въ семидесятыхъ годахъ имѣло совершенно другіе соціально-психологическіе корни: рѣшивъ, что человѣку, по самымъ свойствамъ его организаціи, недоступно объясненіе „загадки жизни“, признавъ, что въ этомъ мірѣ онъ можетъ удовлетвориться истиной для человѣка, семидесятникъ,—плохо ли, хорошо ли,—выяснивъ себѣ вопросы окружающей его дѣйствительности, бросался въ революціонную дѣятельность. Знаній накоплено достаточно, пора ихъ передать народнымъ массамъ! Когда на первый планъ выступила политическая борьба, особенными симпатіями началъ пользоваться Дюрингъ, но и въ немъ „гносеологическая“ сторона его философіи мало интересовала революціонера-семидесятника: больше всего цѣнили „дѣйственный“ характеръ его этики и выдвиганіе на первый планъ „политическаго фактора“.

Что же говоритъ намъ старая правда?

---

*) Въ этомъ отношеніи большой интересъ представляетъ полемика о „пользѣ философіи“ между П. Никитинымъ (Ткачевымъ) съ одной стороны и В. В., Лесевичемъ съ другой.

„Умственный процессъ совершается въ предѣлахъ отдѣльнаго человѣка, „личности“ или иными словами „всѣ умственные, всѣ психологическіе процессы совершаются въ личности и только въ ней; только она ощущаетъ, мыслитъ, страдаетъ и наслаждается“ *).

Это положеніе, въ общемъ, вѣрно, но оно требуетъ значительныхъ дополненій. Дѣйствительно, „мыслитъ“ отдѣльный человѣкъ. Но мысли, которыми онъ оперируетъ, являются ли онѣ его мыслями? Нѣтъ. Онѣ общественный продуктъ, ибо и личность наша, нашъ отдѣльный человѣкъ, принадлежитъ къ опредѣленной формѣ общества. Но сама эта общественная форма не есть нѣчто неизмѣнное. Она является продуктомъ исторіи. Правда, эту исторію дѣлаетъ самъ человѣкъ— своимъ умомъ, своей волей, но дѣлаетъ онъ ее въ готовыхъ условіяхъ, сложившихся за долго до его появленія на свѣтъ божій, дѣлаетъ ее своимъ умомъ, но „умомъ“, всѣ составные элементы котораго суть видоизмѣненное отраженіе окружающихъ его условій въ его мозгу, полученномъ имъ въ готовомъ видѣ отъ цѣлаго ряда предковъ, дѣлаетъ ее своей волей, но волей, каждое движеніе которой мотивируется, вызывается окружающимъ его міромъ посредственно или непосредственно. Измѣняя „готовыя“ условія, онъ измѣняется и самъ: его нервная организація усложняется, „умъ“ его обогащается, „воля“ его становится содержательнѣе и разнороднѣе, „горизонтъ“ его расширяется и т. д. и т. д.

Однимъ словомъ, вмѣстѣ со всѣми его способностями, развивается и его познавательная способность.

---

*) Повторяя это положеніе, г. Михайловскій не зналъ, что онъ, какъ и Энгельсъ, ставитъ тезисы, понятные только, какъ отрицаніе тезисовъ Гегеля. Слова „только“ протестуютъ противъ Гегелевскаго гипостазированія одной изъ функцій человѣческой личности—мысли—въ формѣ абсолютной идеи. Не трудно было бы доказать, что Гегель отрицательно или положительно имѣлъ большое вліяніе на міровоззрѣніе г. Михайловскаго.

Это—способность по самому существу своему *историческая*. Ставить, поэтому, ей предѣлы значило бы поставить предѣлы историческому развитію вообще. Конечно, выскочить изъ условій своего существованія никто не можетъ. Въ своей познавательной способности мы ограничены тѣми средствами, которыя намъ предоставляетъ въ наше распоряженіе данная форма общественной организаціи. Это обстоятельство ставитъ извѣстные предѣлы нашей познавательной способности, но эти предѣлы отодвигаются вмѣстѣ съ развитіемъ общественныхъ отношеній. То, что было недоступно человѣческому уму вчера, становится ему доступнымъ завтра. *Ограниченность человѣческой мысли каждой отдѣльной эпохи устраняется безграничностью историческаго развитія.* Вотъ почему, мы отвергаемъ всякую попытку проводить границу между познаваемымъ и непознаваемымъ, дѣлить міръ на міръ нуменовъ, сущностей и міръ феноменовъ, явленій: для насъ существуетъ только граница между *уже* познанной и *еще* не познанной дѣйствительностью.

Отвѣтъ на наши вопросы можетъ дать только развитіе этой дѣйствительности, иными словами, практическая человѣческая дѣятельность. Вѣдь единственнымъ критеріемъ истинности нашего мышленія является его адекватность данной дѣйствительности, даннымъ отношеніямъ вещей между собою.—Вотъ почему, „вопросъ о томъ, способно ли человѣческое мышленіе познать предметы въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ дѣйствительности, — вовсе не теоретическій, а практическій вопросъ. Практикой долженъ доказать человѣкъ истину своего мышленія, т. е. доказать, что оно имѣетъ дѣйствительную силу и не останавливается по-сю сторону явленій. Споръ же о дѣйствительности или не дѣйствительности мышленія, изолирующагося отъ практики, есть чисто схоластическій вопросъ“ (Марксъ).

Только получивъ крещеніе опытомъ и практикой, ваша гипотеза, т. е. мысль, не доказавшая еще своей

адекватности дѣйствительнымъ отношеніямъ вещей, можетъ превратиться въ научную теорію *). Чѣмъ разнообразнѣе становится человѣческая практика, тѣмъ больше она, подъ вліяніемъ развитія механической и химической промышленности, изслѣдуетъ и возсоздаетъ процессъ образованія различныхъ веществъ, тѣмъ больше выясняется генезисъ всего существующаго, тѣмъ дальше отодвигаются предѣлы таинственнаго. Такимъ образомъ, „все таинственное, все то, что ведетъ теорію къ мистицизму, находитъ раціональное рѣшеніе въ человѣческой практикѣ и въ пониманіи этой практики“.

Самымъ крупнымъ шагомъ въ этомъ направленіи явится выясненіе общественныхъ отношеній; съ нихъ долженъ быть сорванъ покровъ таинственнаго, они должны превратиться въ сознательный продуктъ людей, проникшихъ въ тайну своихъ общественныхъ отношеній. Если и теперь цивилизованное человѣчество, не смотря на раздирающую его борьбу классовъ, не смотря на относительно ничтожное число людей, принимающихъ сознательное участіе въ исторической жизни, вырвало столько тайнъ у природы, то во сколько разъ увеличатся его познавательныя силы, если природѣ будетъ противостоять объединенное въ одну великую семью человѣчество, направившее всѣ свои силы на борьбу

*) Теорія всемірнаго тяготѣнія Ньютона и открытіе Жаномъ Леверрье Нептуна, электромагнитная теорія свѣта Максвеля и опыты Герца, теорія происхожденія видовъ Дарвина и позднѣйшія наблюденія надъ измѣненіемъ видовъ подъ вліяніемъ различныхъ факторовъ, періодическая система элементовъ Менделѣева (Лотара Мейера) и открытія Лекокъ до Буабодрана и Нильсона. Конечно, теоріи эти въ свою очередь могли возникнуть только послѣ того, какъ человѣчество накопило извѣстный опытъ. И тутъ рѣшающее значеніе принадлежитъ „индустріи“, практикѣ, техникѣ. Но надо забывать, что „всѣ продукты мысли могутъ вырабатываться лишь при опредѣленныхъ успѣхахъ техники и при опредѣленныхъ продуктахъ творчества общественныхъ формъ“. П. Лавровъ, „Опытъ исторіи мысли новаго времени“. с. 68.

съ ней? Пока человѣчество не развернуло всѣхъ своихъ способностей, съ нашей стороны было бы пошлымъ филистерствомъ подписывать человѣчеству testimonium paupertatis и сказать: Ignorabimus!

Но вы хотите не только доказать свою истину, вы хотите ее сдѣлать достояніемъ всѣхъ людей, вы хотите „вплотить истину въ общественныя формы". И тутъ теорія должна идти рука объ руку съ практикой. Хорошо зная, что люди представляютъ собою продуктъ обстоятельствъ, мы съ вами, конечно, не забудемъ, что обстоятельства измѣняются людьми,—а это часто дѣлаетъ вульгарный матеріализмъ: исторія сама дѣлается,—и опять обратимся все къ той же практикѣ: измѣненіе міра конкретныхъ явленій, путемъ нашей конкретной практической дѣятельности, дастъ живительный толчокъ теоретическому усвоенію нашихъ истинъ. Не будучи дополнена практикой, теорія остается въ области „чистаго созерцанія". „Философы лишь объясняли міръ такъ или иначе: но дѣло заключается въ томъ, чтобы измѣнить его" (Марксъ).

Вы направляете свое оружіе критики противъ данныхъ общественныхъ отношеній, вы вскрыли ножемъ своего анализа скрывающіяся въ нихъ противорѣчія, но этого еще не достаточно: „оружіе критики не можетъ замѣнить критики оружія", вы должны, поэтому, революціонизировать эти общественныя условія путемъ устраненія ихъ противорѣчій. Будучи революціонерами въ области теоріи, вы не можете не быть революціонерами въ области практики. Только революціонная дѣятельность не знаетъ обособленія правды теоретическаго неба отъ правды практической земли, только она является настоящей практически критической дѣятельностью. Соціологическая теорія дополняется соотвѣтствующей соціологической практикой.

Но ваша теорія,—скажутъ намъ наши противники,—сосредоточивается только на одной сторонѣ этой обще-

ственной жизни, она игнорируетъ всѣ остальныя ея стороны.

Старая басня! Общественная жизнь въ высшей степени сложна, она, какъ вы выражаетесь, имѣетъ чрезвычайно много „сторонъ“. Но исключаетъ ли это для насъ возможность найти въ ней такой центральный пунктъ, откуда можно было бы,—„извнутри“—„освѣтить“ всѣ стороны этой многосложной жизни? Мы, со своей стороны, думаемъ, что этимъ центральнымъ пунктомъ является соціально-экономическая структура общества. Но мы хотимъ не только „понять“ этотъ общественный строй, мы хотимъ измѣнить его. И въ пролетаріатѣ мы нашли ту силу, которая въ состояніи сдѣлать это. Пролетаріатъ и есть тотъ рычагъ, съ помощью котораго „философія“ перевернетъ весь міръ общественныхъ отношеній!

„Гипотеза“ молодого Маркса все больше подтверждается „практикой“. Она дала ему небывалую еще силу предвидѣнія, она служила ему руководящей нитью въ его теоретическихъ изслѣдованіяхъ, она же помогла ему увѣренно разбираться въ сложныхъ явленіяхъ настоящаго, она же дала ему возможность связать въ одно нераздѣльное цѣлое правду теоретическаго неба и правду практической земли. Правда-истина и правда-справедливость, такъ долго жившія въ разладѣ между собою, въ его теоріи соединились въ одну великую, двуединую, правду.

VI.

Новая „точка зрѣнія“ была найдена. Она вполнѣ удовлетворяла поставленному нами условію: она не жертвовала правдой теоретическаго неба въ угоду правды практической земли и наоборотъ.

Но, какъ бы ни была хороша новая идея, для ея болѣе или менѣе массового усвоенія требуются соотвѣтствующія условія. Правда, западно европейскій опытъ все больше доказывалъ правильность точки зрѣнія Маркса. Восьмидесятые годы для Западной Европы были годами неудержимаго развитія соціалдемократіи. Конт-

растъ между ними и семидесятыми годами бросался всѣмъ въ глаза. Особенно яркое выраженіе онъ нашелъ себѣ на Парижскомъ международномъ конгрессѣ 1889 г. Онъ какъ бы произвелъ смотръ всѣмъ силамъ соціализма и подвелъ итогъ 11-ти лѣтней дѣятельности со времени 1878 г., когда соціалдемократія могла считаться серьезной силой только въ Германіи, да и то находилась, какъ тогда казалось, на краю гибели. Результаты оказались блестящими. Соціализмъ пустилъ прочные корни во всѣхъ странахъ. Всюду имѣлись болѣе или менѣе значительныя партіи. Только одна страна должна была устами одного представителя (П. Лаврова) констатировать, послѣ очерка исторіи нѣкогда столь славнаго революціоннаго движенія, полный застой—и устами другого (Г. В. Плеханова) выразить надежду, что русскій рабочій классъ дастъ опять возможность Россіи войти въ ряды международной соціалистической арміи.

Эта надежда оправдалась. Парижскій конгресъ далъ, кромѣ того, въ руки пролетаріата всѣхъ странъ, особенно „отсталыхъ странъ", могучее средство для распространенія идей соціализма среди индифферентныхъ рабочихъ массъ—*маевку*. 20 февр. 1890 г., германская соціалдемократія получила на выборахъ около 1,427,000 голосовъ. Противъ проникнутаго классовымъ самосознаніемъ пролетаріата оказались безсильными всякіе исключительные законы. Бисмаркъ, человѣкъ желѣза и крови, вершитель судебъ Европы, олицетвореніе грубой силы и деспотизма, долженъ былъ уйти.

А 1 мая того же года вся Зап. Европа представляла странное зрѣлище. Казалось, что у ея воротъ стоитъ страшный врагъ, готовый все разрушить. Вся полиція на ногахъ. Къ городамъ стянуты войска. Мрачная тишина, какъ предъ грозой. А между тѣмъ день былъ весенній и мирный. Западной Европѣ не угрожало никакое нашествіе. Что же случилось? Послушный постановленію своихъ представителей, пролетаріатъ устроилъ самую мирную манифестацію. Что же приводило въ такой ужасъ буржуазію?

„Если бы рабы сосчитали свое число, мы погибли бы“. Но то, что римскимъ оптиматамъ мерещилось только въ минуты пресыщенія жизнью, буржуазіи теперь представлялось ужасающей наглядностью. Рабы капитала въ первый разъ сосчитали свое число и почувствовали, что они—сила, предъ которой оковы капитализма могутъ также мало устоять, какъ цѣпи, которыми холодъ сковалъ живительныя силы природы, предъ горячими лучами майскаго солнца. Чтобы стать этой силой, массамъ нужно было только сознаніе своихъ дѣйствительныхъ интересовъ. И работа просвѣщенія рабочихъ массъ закипѣла какъ никогда прежде.

Началась она и въ Россіи. Выборы 20 февраля 1890 г. и первая маевка имѣли на Россію вліяніе, въ сравненіе съ которымъ блѣднѣетъ вліяніе Интернаціонала и Коммуны. Соціалдемократія являлась уже безспорной, всѣми признанной силой. Научный соціализмъ или марксизмъ скоро долженъ былъ стать моднымъ.

А тѣмъ временемъ, въ Россіи, все быстрѣе, все сильнѣе, развивались условія, благопріятствовавшія усвоенію этого ученія. Практика приходила на помощь теоріи. Русское революціонное движеніе, въ теченіе восьмидесятыхъ годовъ, умирало и къ концу ихъ, казалось, совершенно замерло. Старая „Народная Воля“ умерла. Правда, она „умерла“, какъ „умеръ“ въ свое время въ Англіи чартизмъ. Она заставила правительство провести цѣлый рядъ „реформъ“ и толкнула его на путь политики, девизомъ которой служитъ: „Enrichissez vous“ (обогащайтесь). Партія, которая хотѣла избавить Россію отъ шуйцы капитализма, отъ буржуазныхъ порядковъ, ускорила, такимъ образомъ, процессъ превращенія нашего государства въ западно-европейское, буржуазное. Россія все больше европеизировалась. Но этимъ самымъ „Народная Воля“ ускорила его грядущую гибель. Способствуя всѣми силами развитію капитализма, государство создавало тѣмъ самымъ и увеличивало тотъ классъ, который явится его могильщикомъ, какъ и могильщикомъ капитализма. Городское, торгово-промышленное

населеніе возрастало въ гигантскихъ размѣрахъ, а вмѣстѣ съ нимъ росъ и классъ городскихъ рабочихъ. Стихійное, массовое движеніе росло и ширилось.

Примыкая къ старымъ народовольческимъ кружкамъ рабочихъ, возобновляя старыя, на время прерванныя сношенія, первые адепты соціалдемократіи понесли проповѣдь идей научнаго соціализма въ рабочую среду. Много предразсудковъ и предубѣжденій приходилось имъ преодолѣвать на каждомъ шагу. Работа была не видная, не замѣтная, не дававшая, казалось, никакихъ осязательныхъ результатовъ. Но это только казалось. Тѣ самые эпигоны, которые—такъ не справедливо—относились съ „трансцендентальнымъ презрѣніемъ“ къ такъ называемой „кружковщинѣ“, послѣ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ нашли въ рабочихъ, распропагандированныхъ первыми піонерами соціалдемократіи, дѣятельныхъ сотрудниковъ. А эти условія очень скоро наступили.

Голодъ 1891—92 г.г. нанесъ окончательный ударъ всѣмъ народническимъ предразсудкамъ, ожившимъ въ періодъ реакціи 80-хъ годовъ. Пассивность крестьянства слишкомъ сильно бросалась въ глаза. А ударъ, нанесенный этимъ голодомъ, былъ непоправимъ. Дифференціація крестьянства пошла еще сильнѣе. Остатки народовольцевъ, особенно въ Россіи, все больше проникались новымъ ученіемъ. Ряды его послѣдователей начали быстро увеличиваться. Работа въ средѣ рабочаго класса пошла быстрѣе и интенсивнѣе. И скоро она принесла свои плоды.

Петербургскія стачки 1896—97 г.г. показали, что рабочій классъ въ Россіи представляетъ единственную силу, которая можетъ импонировать абсолютизму и вынуждать его на уступки. А февральскія и мартовскія событія 1901 г., значеніе которыхъ нельзя достаточно высоко оцѣнить, показали всякимъ маловѣрамъ, что рабочему классу дороги не только интересы „ножа и вилки“, но и интересы свободы науки, интересы просвѣщенія и знанія. Русскій рабочій классъ оказался единственнымъ классомъ, который, въ союзѣ съ „нами“,

вынесетъ на своихъ могучихъ плечахъ дѣло очищенія Россіи отъ всякой скверны.

Десятки лѣтъ „мы“, „вверху стоящіе, что городъ на горѣ“, старались провести свои идеалы въ жизнь. Но жизнь отвѣтила намъ жестокими преслѣдованіями, а „трудящіеся и обремененные“ упорно не хотѣли откликнуться на нашъ призывъ. Настало наконецъ время, когда „протянутая молодежью рука“ встрѣтила теплое рукопожатіе мускулистой руки милліоновъ рабочаго люда, когда „мы“ почувствовали за собою „тяжелую поступь могучихъ рабочихъ батальоновъ“, а „мы“, во имя старыхъ воспоминаній, старыхъ предразсудковъ, все еще держимся за обрывки старой правды или стараемся напялить на нее новый костюмъ. Какъ будто все, что дорого намъ въ старой правдѣ, не вошло цѣликомъ въ новую, какъ будто новая правда не есть органическое развитіе старой!

Старая правда умерла! Да здравствуетъ новая правда!

Заключеніе.

А Михайловскій?

Баронъ фонъ Гринвальдусъ,
Извѣстный въ Германіи,
Въ забралѣ и латахъ
На камнѣ предъ замкомъ,
Предъ замкомъ Амальи
Сидитъ, принахмурясь

. . . . . .

Года за годами
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ —
Баронъ фонъ Гринвальдусъ
Все въ той же позиціи
На камнѣ сидитъ...

При чтеніи статей послѣдняго періода дѣятельности Михайловскаго мнѣ часто вспоминались эти стихи, приведенные имъ когда то для характеристики литературной дѣятельности г. Пыпина. И мы можемъ теперь сказать ему: „Нѣтъ, 15—20 лѣтъ прошли не даромъ, они выяснили не мало ошибокъ и увлеченій, потребовали дальнѣйшаго развитія, новыхъ приложеній — все той же однако, я думаю, основной мысли, которая одушевляла литературу въ періодъ возрожденія... было бы смѣшно засиживаться даже на наиболѣе жизненныхъ сторонахъ старой литературы, оставляя ихъ безъ дальнѣйшаго развитія и разъясненія“.

Дальше пункта, котораго г. Михайловскій достигъ въ началѣ 80-хъ годовъ, онъ уже не пошелъ. Ему и тогда удалось ярко и сильно отразить въ литературѣ

стремленія тѣхъ, которые признавали, что „нуженъ прежде всего свѣтъ, а свѣтъ есть безусловная свобода мысли и слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможна безъ личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требуетъ гарантій“. Это было для него „настоятельнѣйшимъ требованіемъ нашей жизни; требованіемъ столь настоятельнымъ, что безъ его удовлетворенія всѣ добрыя намѣренія даже самихъ народниковъ должны расплыться въ мірѣ прекрасныхъ словъ и мечтаній“. Онъ уже признавалъ, что „возможность непосредственнаго перехода къ лучшему высшему порядку, минуя среднюю стадію своего развитія, стадію буржуазнаго государства... убываетъ, можно сказать, съ каждымъ днемъ. Практика урѣзываетъ ее безпощадно, сообразно чему наша программа усложняется, оставаясь при той же конечной цѣли, но вырабатывая новыя средства“.

Михайловскій никогда не былъ безусловнымъ защитникомъ нашей общины, а теперь ему „становится даже неловко за В. В. когда этотъ „вполнѣ добросовѣстный, но узкій и односторонній работникъ“, свои благожелательныя фантазіи подставляетъ на мѣсто суровой и неприглядной дѣйствительности“. Онъ знаетъ, что „деревня раскалывается на два слоя, выдѣляя богатыхъ кулаковъ, держащихъ подъ своей грубой пятой остальное населеніе деревни: что это послѣднее утрачиваетъ „самостоятельное положеніе въ производствѣ“. Но онъ не въ состояніи понять всего историческаго значенія населенія, лишеннаго „самостоятельнаго положенія въ производствѣ“.

И въ душу стараго борца вкрадывается скептицизмъ. Онъ перестаетъ вѣрить въ будущее, въ „лучшій высшій порядокъ“. Его раздражаетъ эта увѣренность въ другихъ, и онъ разражается по адресу увѣренныхъ слѣдующей тирадой: „Относительно будущаго, Марксу (можетъ быть вмѣстѣ съ Энгельсомъ) принадлежитъ предвидѣніе или прорицаніе исхода капиталистическаго строя. Оправдается оно или нѣтъ, — по-

кажетъ намъ будущее, но такъ какъ ничего подобнаго исторія человѣчества не видала до сихъ поръ, то во всякомъ случаѣ не на данныхъ историческаго опыта и исторической науки можетъ это пророчество опираться... До сихъ поръ историческая дѣйствительность еще нигдѣ и никогда не давала намъ такого завершенія капиталистическаго строя. Это — идеалъ, который одни считаютъ сбыточнымъ и прекраснымъ, другіе — не сбыточнымъ или совсѣмъ не хорошимъ. Это дѣло вѣры, которая по извѣстному, совершенно справедливому опредѣленію, есть увѣренность въ невидимомъ, какъ бы въ видимомъ, и въ желаемомъ и ожидаемомъ, какъ бы въ настоящемъ. Такова общая участь всѣхъ идеаловъ, и я не противъ нихъ. Конечно, потому что безъ нихъ жизнь не полна, пуста и темна".

И до этого, чисто филистерскаго, взгляда на идеалы дошелъ тотъ самый писатель, который когда-то написалъ такія прекрасныя строки объ идолахъ и идеалахъ. Напомнимъ ему его же слова: „Идолы – предметы поклоненія, ужаса, обожанія, причемъ твердо сознается невозможность сравняться съ ними, достигнуть ихъ величія и силы. Идеалъ, напротивъ, есть нѣчто для человѣка практически обязательное: человѣкъ желаетъ и чувствуетъ возможность достигнуть того или другого состоянія... Возможность достиженія извѣстной комбинаціи вещей собственными человѣческими средствами составляетъ ихъ необходимое условіе. Извѣстный идеалъ можетъ быть сознанію человѣка недостижимъ ни сегодня, ни завтра, можетъ быть цѣлый рядъ поколѣній долженъ уложить къ нему путь своими костями, но во всякомъ случаѣ онъ близокъ, родственнен человѣку: человѣкъ признаетъ для себя обязательнымъ и возможнымъ итти, приближаться къ нему". Такимъ образомъ, „лучшій, высшій порядокъ" изъ идеала близкаго, родственнаго человѣку остался правда, „чѣмъ-то прекраснымъ, но недостижимымъ, чужимъ, на что можно только любоваться". „Конечно, вещь хорошая, и я не противъ нихъ, безъ нихъ жизнь не полна и темна".

А дальше выводъ не трудно сдѣлать, и онъ былъ сдѣланъ. „Улита ѣдетъ, когда-то будетъ“. Вмѣсто того, чтобы стремиться къ недостижимому, къ „дальнему“, не лучше ли присмотрѣться къ „ближнему“. На свѣтѣ такъ много страданія и горя! Забудемъ ли мы все это для какого-то далекаго будущаго, которое можетъ быть никогда не настанетъ? И, оставшійся „безъ дороги“, писатель, усомнившійся и въ цѣли, куда во время оно вели два пути, совѣтуетъ теперь Наташѣ, какъ Соломинъ Маріаннѣ, заняться „любовью къ ближнему“.

У насъ много говорили за послѣднее время о „наслѣдствѣ“ и о томъ, кто отказывается отъ него. Мы думаемъ, что если бы этотъ вопросъ былъ подвергнутъ болѣе тщательному пересмотру, оказалось бы, что отъ него отказываются, а то и промотали, очень часто, сами обвинители. Тогда не трудно было бы также понять, почему въ рѣчахъ „отказавшихся“ такъ часто слышится „насмѣшка горькая обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ“.

Іюль—Августъ 1901 г.

Въ томъ же книгоиздательствѣ вышла слѣдующая книга:

Н. РЯЗАНОВЪ. Къ критикѣ программы россійской соціалдемократіи. Ц. 1 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный магазинъ „ТРУДЪ“

С.-Петербургъ, Невскій, 60

Москва, Тверская, 38.